

A.KARST

WARSWORD STORY II

Nocturne
Symphony of the night
Sirenade

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А Карст

Warsword story II

«Автор»

2026

Карст А.

Warsword story II / А. Карст — «Автор», 2026

Заключительные рассказы первого цикла, которые покажут истинную натуру мира Warsword.

© Карст А., 2026

© Автор, 2026

А Карст

Warsword story II

Автор: А.Карст

РАССКАЗ ВТОРОЙ:НОКТИУРН

Арка I: Гenezис

Предисловие

Я — тьма, что видит всё и всех,
Но могу ли я даровать свет,
Когда сама соткана из пустоты?

Туман растекался по поверхности воды, словно сознание, растворяющее мир в себе. Лина опустила на колени, и водная гладь не дрогнула под её весом. Она стояла на пустоте, и пустота держала её — странная взаимность существования.

Вода отражала не её облик, а тени её мыслей. Каждое движение казалось лишним, и вместе с тем неизбежным. Она дотронулась до поверхности — и мир дрогнул, но не сломался. Здесь не было закона, кроме молчаливого согласия: идти, несмотря на иллюзию опоры, стоять, несмотря на зыбкость бытия.

Туман шептал о временах, когда не было ни начала, ни конца, лишь бесконечный поток, в котором каждый шаг — и падение, и подъем одновременно. И Лина поняла, что удерживает её не вода, не туман, а сама решимость существовать там, где реальность перестаёт быть твёрдой.

Лина медленно ушла под воду, и мир вокруг словно развернулся, перестав подчиняться привычным законам. С другой стороны гладь была орошаема снегом и метелью — каждая снежинка отражала свет, словно тысячи крошечных свечей. Морозный воздух пахнул металлом и чем-то древним, почти забытым.

Стою меж вечностью и мгновением,
Меж жизнью и забвением, И задаю себе вопрос:

Из воды поднялась она: рыжеволосая девушка с глазами цвета льда, яркими и ослепительно ясными, словно видевшими истину, скрытую за толщей миров. Легкое сияние обрамляло её силуэт, а капли воды, падая с волос, превращались в искрящийся дождь льда и света.

В её взгляде был мир, который не подчиняется законам, мир, где снег и вода, ветер и тьма — лишь проявления вечного потока. И казалось, что в каждом её движении скрыта и тайна, и пророчество: границы между миром и сном, между прошлым и будущим, размыты, и единственное, что остаётся — смотреть и понимать.

В её ярко-голубых глазах, в самой глубине, отражалась кровавая вода.

Если я — ночь, могу ли я дать утро?

Если я — смерть, могу ли я учить жить?

Там, погружённая и неподвижная, лежала Лу'на — её синяя кожа и ярко-зелёные глаза смотрели в ночное небо, лишённое звёзд.

Салатового цвета волосы девушки растеклись по кровавой глади, смешиваясь с алым светом воды, будто сама тьма решила соткать паутину жизни и смерти. В каждом колышущемся отблеске была неизбежность: всё, что было и будет, находило здесь свой отражённый образ.

Всё внимание сосредоточено в этой глубине, где смерть и существование переплетались в неподвижной гармонии. И в этой тишине, полном одиночества, ощущалось странное понимание: границы мира размыты, а истина заключена в самой крови и воде.

И вдруг ночная пелена рассеялась, словно туман, и мир, до этого погружённый в зыбкую тьму, ожил.

Каждый смертный ищет ответы во мне,
Но ответы мои — это отражение их страхов.

Из расступившейся мглы вырвались армии — легионы золотых воинов в блестящей броне, сраженные светом, который казался не солнечным, а древним и вечным.

Впереди шел мужчина в золотой броне. Его волосы переливались золотом, а в руках он держал молот, сверкающий так, будто сам металл заключал в себе силу грозы. Его взгляд пронзал пространство, и каждый шаг отдавался тяжёлым эхом, словно мир замедлялся, чтобы встретить его приближение.

Над легионами кружили грифоны, их крылья рассекали воздух, оставляя за собой след из света и тени. А позади, на границе слышимого, стучали танки — чуждый, металлический ритм, вторящий буре, но всё же подчёркивающий величие этого появления.

Каждый звук, каждое движение казались одновременно реальными и символическими: золотые легионы — воплощение порядка и силы, грифоны — свободы и мечты, а танки — механической неизбежности. И в этой смеси времени и пространства возникало ощущение, что границы миров размыты, и лишь воля того, кто идёт впереди, способна удержать хаос и свет в равновесии.

Я держу в руках силу и слабость,
Создаю миры и рушу их мгновенно,
Но стоит ли вмешиваться,
Когда любое действие рождает страдание?

Из алого тумана вырвались полчища варваров и демонов, и мир словно сжал дыхание, предчувствуя столкновение сил, которым не ведомы законы человечности. Впереди, на крылатом волке с копытами коня, двигался Александор. Его чёрная броня отражала не свет, а пустоту, плечи и шлем венчали рога, а глаза горели алым пламенем, будто сам хаос нашёл форму в смертном теле. В руках он сжимал призванный меч — и не оружие, а символ неизбежной судьбы, расплавленной в огне силы и воли.

Справо рванула Архидемон Тиамат — демоническая летучая мышь, закованная в броню. Маска на её шлеме раскрылась, и из пасти раздался огненный рев, обжигающий тьму, как вопль самой вселенной, кричащей о бесконечной борьбе жизни и смерти.

И всё же я наблюдаю,
Я даю шанс — не светом, а выбором,
Сможет ли тот, кто стоит на грани, Разглядеть истину среди тьмы?

И там, между двумя армиями, где снег, пепел и магия смешивались в хаотическом танце, возникло ощущение, что сражение — это не просто битва тел и оружия, а столкновение самих начал. Свет и тьма, порядок и хаос, жизнь и смерть — они переплетались, размывая границы реальности.

Ветер нёс запах крови и магии, но всё было лишь символом того, что мир всегда держится на хрупком равновесии. И даже в этом хаосе, даже среди рёва, огня и рока, ощущалось: каждый шаг, каждый удар, каждая вспышка — часть вечного вопроса, на который нет ответа. Где грань между существованием и исчезновением? Где конец и где начало, если время течёт одновременно вперёд и в бесконечность?

Армии столкнулись с грохотом, который казался не просто звуком металла и крика, а самой сущностью войны, резонирующей в мире. Золотые легионы шли вперёд, сверкая броней, их молоты и клинки разрезали пространство, но каждый удар, каждое движение было больше, чем физическое воздействие — оно отражало волю, дисциплину, стремление к порядку в хаотическом мире.

Против них рвались варвары и демоны, как само разрушение, жадное к жизни и смерти. Александр на крылатом волке летел сквозь пламя и снег, его алые глаза и магический меч были воплощением того, что нельзя обуздать: силы, которые всегда вырываются наружу, несмотря на законы и границы.

Архидемон Тиамат размахивала крыльями, её огненный рев разрывал воздух, и казалось, что сама смерть смеётся в этом хаосе, напоминая о том, что всё временно, всё подвержено разрушению. В то же время грифоны золотых легионов парили над полем, бросая тень на хаос, словно порядок, над которым висит мысль о неизбежности разрушения.

И в каждом столкновении, в каждом всплеске крови и магии, звучал вечный вопрос: что есть сила? Где граница между волей и судьбой? Сражение стало не просто битвой тел и оружия — это был танец миров, где каждое движение, каждый удар отражал то, что человек всегда пытается понять, но не может: что порядок рождается из хаоса, а хаос — из порядка.

Ветер нёс запах крови и пепла, и среди шума и ярости вдруг возникла ясность: все эти жизни, эти армии, эти чудовища — лишь отражение вечного противостояния, которое есть во всём: внутри нас и вокруг нас. Бой закончится, но вопросы останутся, как эхо, которое невозможно заглушить.

Я — ночь, я — вечность, я — дилемма,
И в моём молчании рождается вопрос:
Что ценнее — владеть судьбой
Или позволить миру идти своим путём?

И словно всё провалилось в пустоту, мир сжался и замер. Армии пали, оставив за собой горы тел, как горы воспоминаний, свалившихся в одно мгновение. Лишь Александр стоял посреди этой тишины, держа в руке череп. Алый плащ развевался на ветру, словно сам воздух подчёркивал величие и одиночество момента.

Мгновение растянулось. Вместо черепа его рука коснулась лица Лины — и в следующую долю секунды Лина сменилась Батори, затем Лу'на. Глаза мелькали перед его взором, как вспышки света в темной воде: детские зелёные, ярко-голубые, статные, и снова — такие родные, ярко-зелёные. Он всматривался в них, словно пытался понять, где кончается смерть и начинается память, где иллюзия и где правда, где собственная воля и где неизбежность судьбы.

В этом мгновении время перестало быть линейным. Жизни, которые были, жизни, которые могли бы быть, смешались в его сознании. Череп в руке, лица перед глазами — всё было одновременно тленом и светом, хаосом и порядком, конечностью и вечностью. И в этом противоречии Александр понял: суть существования — не в том, чтобы владеть или побеждать, а в том, чтобы видеть, понимать и удерживать взгляд в глазах того, что никогда не повторится, но всегда остаётся частью тебя.

И вдруг взор разорвало. Глаза стали ярко-серыми, и пространство наполнилось сущностью богини ночи и небесной серенады. Она парила в разноцветных туманностях, словно сама вселенная выдохнула свет и тьму одновременно. Каждое движение, каждая вспышка цвета были одновременно началом и концом, хаосом и гармонией.

И в тот момент, когда она закрыла глаза, всё вокруг растворилось. Легионы, кровь, магия, смерть — всё исчезло, оставив лишь осознание. Осознание, что мир никогда не был ограничен телами и временем, что всё — лишь отражение мысли, взгляда, памяти и воли.

Туман и свет переплелись в бесконечный поток, где прошлое и будущее, жизнь и смерть, любовь и утрата стали одним мгновением.

Рыжая девушка стояла у алтаря богини, склонившись в молитве. Её глаза были полны благоговения, руки сжаты в жесте просьбы, дыхание замирало в ожидании.

И вдруг... осознание прорвалось, как холодная буря. То, к чему она обращалась, откликнулось, и она отпрянула назад в ужасе. Пространство вокруг трещало, туман разрывался, а разноцветные световые вихри богини ночи бросали странные тени на её лицо. Всё земное стало ничтожным перед этим откровением: сила, которой нельзя противостоять, взяла верх над разумом и телом.

В её шаге назад слышался страх, но в нём скрывалась и истина: человек всегда мал перед вечностью, перед тем, что выходит за пределы понимания. Молитва оказалась не защитой, а мостом, через который она встретилась с чистым существованием — и ужас её заключался не в боли, а в осознании бесконечности, в которой она оказалась лишь на мгновение.

Глава 0

- Год 3275, месяц Метели

Ходит легенда о Варгорках — разумных животных, огромных волках, которые царят в своих лесах и горах Белоридии как непререкаемые хищники. Говорят, что эти существа спо-

собны разорвать даже медведя, а их глаза сверкают умом и дикостью одновременно, словно предупреждая каждого, кто осмелится приблизиться к их владениям.

В своем логове, после очередной охоты, Варгорки устраивали пиршество, пожирая остатки павших благородных рыцарей. Их волчьи челюсти и блестящие глаза создавали жуткое впечатление, словно сам лес и горы были частью этого кровавого ритуала.

По центру логова сидела огромная волчица белого цвета — верховный вождь этих тварей. Её взгляд был одновременно холодным и осмысленным, словно она видела не только тела, но и суть мира, в котором смерть и жизнь переплетаются в бесконечном танце. В ней не было жестокости ради жестокости — только неизбежная закономерность: кто силен, тот живёт, кто слаб — покидает этот мир.

Каждое движение её тела, каждый вздох говорили о том, что мир — не место для жалости, а книга, где каждый зверь и человек пишет свою главу собственной судьбы. В этом логове, среди остатков павших рыцарей, она была не просто хищником, а символом вечной истины: сила и мудрость — лишь две стороны одного закона, и тот, кто умеет видеть мир таким, какой он есть, никогда не будет пленником иллюзий.

Белая волчица учила одним своим присутствием: страх — это не враг, а компас; боль — не наказание, а учитель; жизнь — не дар, а испытание. И только те, кто способен принять это, могут надеяться понять истинный порядок вещей, скрытый за гулом охоты и шорохом леса.

Посреди их кровавого пиршества внезапно появился Александр. Его фигура, сияющая решимостью и властью, словно излучала силу, которой не было ни у одного из присутствующих. Он поднял руку и с непреклонным голосом приказал Варгоркам прекратить пир и подчиниться ему.

На мгновение волчица белого цвета приостановила свой жест, словно оценивая глубину этого вызова. Логово, наполненное ранее гулом крови и хищным рыком, напряглось в молчании. Казалось, сама природа замерла, наблюдая, как человек пытается навязать порядок существам, для которых закон силы был священнее любых слов.

Волчица вздрогнула, её глаза вспыхнули холодным светом. Голос, глубокий и пронзительный, прозвучал среди логова, сотрясая воздух:

— Кто ты такой, тварь, чтобы говорить с нами так?

Слова её несли в себе не только вызов, но и мудрость веков. Каждое мгновение её взгляда, каждая пауза в голосе напоминали: для Варгорков сила и знание — это законы жизни, а любой, кто осмеливается нарушить их порядок, должен быть готов заплатить цену.

Волчица вздрогнула, её глаза вспыхнули холодным светом. Голос, глубокий и пронзительный, прозвучал среди логова, сотрясая воздух:

— Кто ты такой, тварь, чтобы говорить с нами так?

Слова её несли в себе не только вызов, но и мудрость веков. Каждое мгновение её взгляда, каждая пауза в голосе напоминали: для Варгорков сила и знание — это законы жизни, а любой, кто осмеливается нарушить их порядок, должен быть готов заплатить цену.

Александр снял рогатый шлем и рассеял магию, скрывавшую его личность. Логово вздрогнуло, и чудовища заскулили, ощущая внезапную силу, исходящую от него. — Это ты... — с трепетом произнесла Волчица, её глаза сверкнули страхом и уважением одновременно.

Александр нес в себе память о прошлом, память о великих и прекрасных расах, о которых теперь почти никто не помнил. Его голос звучал медленно, словно каждое слово отмерялось вечностью:

— Я видел прекрасные расы, великие в своём очаровательном великолепии. Не заставляйте меня, чтобы мой взор заметил вашу непокорность, как когда-то они были непокорны. Теперь лишь я и прах легенд хранят память о них. И даже сама земля больше не несёт в себе их остатки.

Логово погрузилось в тишину. Сила Александра, его знание и память о потерянных мирах, делали его не просто человеком, а свидетелем вечности, которой никто больше не мог коснуться. Волчица ощущала это и понимала: перед ней не просто враг, а сам закон прошлого, вобравший в себя мудрость исчезнувших цивилизаций.

Волчица подошла к нему. Она была огромна, но Александр не уступал ей в габаритах. Она склонила голову, и стая последовала её примеру, словно сама природа признаёт его власть, не через страх, а через понимание.

— Зовите меня Орта, — произнесла она низким голосом. — Моя жизнь к вашим услугам. Лишь сохраните наш вид...

Александр вновь окутал магией скрытия своё лицо и надел шлем. Волки помнили его могущество, но личности не помнили — только силу, которая отражала вечные законы существования.

Он заговорил медленно, каждое слово будто весило вечность:

— Мои прекрасные твари, не бойтесь. Сила, которой мы обладаем, — это не только право уничтожать, но и обязанность хранить. Жизнь любого существа, будь то человек или зверь, — это часть великого узора, который мы лишь начинаем понимать. Наша жатва не только сохранит вас, но и накормит; ибо истинная мощь — это не страх, который мы внушаем, а забота, которую мы можем дать.

Стая почувствовала его мысли, его понимание мира, где каждая смерть, каждая победа — это урок, часть бесконечного цикла. В их глазах мелькнула не только преданность, но и почтение: они видели в Александре не просто хозяина, а свидетельство того, что сила, соединённая с мудростью, может стать созидательной, а не разрушительной.

Но они понимали: смертные не равны Александру. Он был вечен, и за его словами о порядке скрывалась простая, жестокая истина — он не ценил жизни смертных существ. Для него их существование не имело значения само по себе; оно было лишь элементом более великого порядка, который он создал и поддерживал. Их страх, страдания и даже смерть были пустыми мелочами в масштабах вечности, лишь отражением того закона, которому подчинился сам мир.

Именно эта безразличная власть делала его страшным: он не нуждался в поклонении, не искал жалости и не измерял мир человеческими мерками. Сила Александра была абсолютной, потому что ему не важно было ничто, кроме собственного видения порядка. Смертные могли жить и умирать, бороться и падать, но он видел их лишь как часть бесконечной ткани бытия, которую он контролировал, и ничто в их жизни не могло изменить его взгляд на мир.

Глава 1

Авалон, Клейя и Батори прошли через центральные ворота огромного золотого города. Его улицы кишели представителями самых разных рас.

Здесь жили диаспоры эльфов и темных эльфов, торговцы из людорогов — существ, совмещающих черты единорогов и людей, один из видов зверолодов. На рынке их голоса сливались в один общий гул, зазывая покупателей всех рас и даже разумных животных.

Все они надеялись, что величественные золотые стены города защитят их от полчищ Империя, нависшей за пределами этих стен.

Золотые стены города сияли в последнем свете заката, отражая пылающее небо, а флаг Толотрана гордо развевался над ними, словно знак непоколебимой мощи и надежды жителей.

Авалон шагал вперед уверенной походкой, его взгляд блуждал по извилистым улицам, переполненным людьми и существами всех мастей. Он замечал мельчайшие детали — торговцы, раскладывающие свои товары на деревянных прилавках, уличных музыкантов, чьи мелодии переплетались с шумом толпы, и детишек, играющих между витрин и фонтанов.

Клейя шла рядом, осторожно ощущая путь ногами и прислушиваясь к шуму города. — Этот город... — произнесла она тихо, — он огромен... и опасен. Никогда не думала, что увижу такое место своими ушами и руками.

Она ощущала вибрации шагов множества людей и существ вокруг, слышала, как перекликаются торговцы, как звонко бьют копыта зверолодов по мостовой. Сильный аромат пряностей и хлеба кружился в воздухе, смешиваясь с запахом металла и канифоли от кузнецов. По кончикам пальцев проходила легкая дрожь — от вибрации магии, которая пропитывала улицы и стены города, невидимая, но ощутимая для тех, кто умеет чувствовать её.

— Такой шум... — прошептала Клейя, — кажется, будто город живой.

Батори шла чуть позади, глаза сужены, как будто пыталась разгадать невидимые линии между зданиями и людьми. Она остановилась у витрины, где на фоне старинного механизма стоял андроид — идеальный человек, с безупречными чертами лица и ярко-желтыми глазами, светившимися мягким, почти живым светом.

— Смотри... — тихо сказала Батори, почти себе под нос, — здесь ещё остались технологии. Здесь ещё живут андроиды. В других провинциях их преследовали, убивали, изгнали... А здесь... — она проводила рукой по стеклу витрины, словно ощупывая невидимую грань между настоящим и искусственным, — здесь они свободны.

— Красота и жестокость... — продолжала Батори, почти философски, — часто существуют рядом. И иногда лишь стены, магия и законы дают возможность быть тем, кем ты являешься. Эти андроиды... они как отражение нас самих. Люди, которым позволили жить и чувствовать.

Проходя мимо, они слышали тихий, почти незримый гул механизмов, мягкое постукивание шестерёнок, шорох паровых труб. Каждое движение, каждое дыхание города было наполнено жизнью и искусством одновременно, и даже Клейя, не видя их глазами, ощущала этот ритм.

— Этот город... — прошептала она снова, — он не просто город. Он как живое существо, в котором переплетаются прошлое и будущее, магия и техника, жизнь и искусство.

Андройды мелькали среди толпы, их глаза, словно факелы в ночи, отбрасывали золотой свет на каменные мостовые, а жители города смотрели на них без страха. Здесь понимали, что истинная красота не в форме или материале, а в том, что существует право быть собой.

И Авалон, и Клейя, и Батори почувствовали то же самое: город не был просто крепостью от Империи — он был храмом жизни в её самых разных проявлениях, где магия, металл и сознание переплетались в гармонии, редкой и хрупкой.

Проходя дальше, Авалон и его спутники начали замечать, что золотые стены города скрывают гораздо больше, чем казалось на первый взгляд. Стража, разместившаяся вдоль крепостных валов, держала в руках плазменные автоматы, их металлические корпуса переливались в свете заката, а гудящие катушки на плечах создавали ощущение, что каждый солдат — не просто человек, а оружие, ожившее из самой магии и науки.

На вершинах стен располагались энергетические пушки. Их барельефы и излучающие каналы напоминали хищников, готовых мгновенно разорвать любого нарушителя. Даже в спокойный вечер они источали мягкое, мерцающее сияние, словно город сам дышал энергией.

Вдоль улиц, между рынками и фонтанами, стояли энергетические маты — платформы, на которых парили воздушные роботы и механические стражи. Их гул сливался с ритмом города, создавая гармонию между шумом толпы, магией и технологиями. Иногда казалось, что город сам готов защитить каждого, кто внутри его стен.

Батори остановилась, прислушиваясь к вибрациям энергетических матов, мягко касаясь одной рукой их поверхности. — Здесь всё живёт и дышит энергией, — сказала она тихо. — В других провинциях технологии давно забыты, или их уничтожили. Здесь же они вплетены в саму ткань города, и в этом — его сила и красота.

Клейя уловила лёгкую вибрацию от проходящих мимо энергетических матов. Для неё этот город звучал, словно огромный музыкальный инструмент, где каждая улица, каждый механизм, каждый шаг стражи создавали гармонию, которой не было нигде в мире.

— Этот город не просто крепость, — прошептала Клейя, — он симфония магии, техники и жизни. И каждый, кто входит сюда, становится частью этой симфонии.

Авалон — сдержанно восхищался величию стен и гармонией технологий. Вокруг них мягко скользили энергетические машины, их светящиеся контуры переливались в лучах закатного солнца, а лёгкий гул двигателей сливался с шумом толпы.

В этом городе казалось, что всё живёт без забот, будто время здесь течёт иначе, чем в других провинциях. Батори шла немного позади, наблюдая за парящими платформами, плазменными автоматами и андроидами, и внезапно не смогла сдержать слёз.

— Я... — её голос дрожал, — я скучала по такому... месту, где всё спокойно.

Она вспомнила свои родные земли, где технологии и магия уже давно были разорены войнами, где каждый день приносил страх и потерю. Здесь же, в этом городе, всё было живо, красиво, и самое главное — здесь можно было дышать спокойно. Её глаза наполнились слезами, потому что впервые за долгие годы она почувствовала то, чего так давно лишилась: ощущение дома и надежду.

Авалон положил руку ей на плечо, не вмешиваясь словами. Клейя ощутила лёгкую дрожь в воздухе, вибрацию её эмоций, и поняла, что это не просто ностальгия — это глубокое признание красоты жизни, которая всё ещё возможна.

Батори смотрела вокруг, её взгляд словно обвинял улицы, витрины, парящие машины и андроидов с ярко-жёлтыми глазами. Она плакала не от горя, а от облегчения и радости: здесь можно было жить, и её родные были живы, хотя далеко, но в мире, где возможен покой.

— Этот город... — тихо сказала она, — он как память о том, что когда-то было... и всё ещё может быть.

И в этот момент, среди сияющих стен, гудящих механизмов и бесшумно парящих машин, герои поняли: они не просто пришли в город — они вошли в сердце мира, который хранит жизнь, красоту и надежду, несмотря на все тени Империи за его стенами.

Когда последние лучи солнца коснулись куполов, герои направились к замку Золотого Императора. Его шпили поднимались над городом, словно сами стремились коснуться неба. Путь к нему проходил по широкой мостовой, выложенной гладкими золотистыми плитами, отражавшими вечернее свечение. По обе стороны улицы стояли энергетические фонтаны — прозрачные струи света поднимались вверх, превращаясь в медленно танцующие сполохи.

Авалон шёл впереди, сосредоточенно, но с внутренним трепетом. Клейя ступала чуть позади, чувствуя каждую вибрацию мостовой — энергию, текущую под её ногами, как пульс живого существа. Батори же вновь обрела сдержанное достоинство, хотя в её взгляде ещё теплился след недавних слёз.

Когда они приблизились к главным вратам, их встретили солдаты в бело-золотых доспехах. В руках они держали плазменные копья, на груди — эмблема солнца, сиявшая собственным светом. Но, увидев приближающихся гостей, воины почти одновременно ударили кулаками по своим нагрудникам — глубокий металлический звук прокатился по двору.

Это был знак уважения.

Они знали, кто перед ними: герои, чьи имена произносили с почтением даже за пределами Толотрана. Те, кто сражался против зла, когда надежды почти не осталось.

Двери замка распахнулись плавно и без звука. Изнутри их встретил мягкий золотистый свет и тихий, еле уловимый аромат лилии и масла. Навстречу вышла юная девушка — андроид с длинными алыми волосами, спадающими волнами на плечи. Её движения были безупречно плавными, но в них чувствовалось что-то большее, чем просто механика — осознанная грация, словно в её сердце билось настоящее пламя.

Её глаза — не холодно-жёлтые, как у большинства андроидов, — мерцали тёплым янтарным светом.

— Добро пожаловать в Золотой дворец, — сказала она мягко, её голос звучал как мелодия, сплетённая из металла и дыхания. — Я — Лисса, советник Его Величества, и он уже знает о вашем прибытии.

Она слегка поклонилась, её алые волосы вспыхнули в свете факелов, и на мгновение Клейя почувствовала странную вибрацию — будто внутри девушки кипела энергия, схожая с магией живых.

Авалон коротко кивнул:
— Мы пришли за ответами.

Лисса улыбнулась почти человеческой улыбкой.
— И, возможно, найдёте не только их, но и то, что давно ищете в себе.

Она обернулась, и герои последовали за ней в глубину золотых залов, где свет, металл и магия переплетались в неразрывное целое.

А за их спинами солдаты ещё раз ударили по груди — громко, в унисон, как удар сердца города, приветствующего своих защитников.

Коридоры Золотого дворца тянулись бесконечными сияющими арками. Свет мягко струился из стен — без ламп, без огня, будто сам воздух здесь был соткан из энергии. Пол из прозрачного камня отражал шаги героев, а под ним медленно текли золотые потоки — энергетические жилы города, питающие его сердце.

Лисса шла впереди, лёгкая, почти невесомая, словно скользила по воздуху. Каждый её шаг оставлял за собой слабое свечение, похожее на след метеора в ночном небе.

— Ваш город... — тихо сказала Батори, догоняя андроида, — он другой. Здесь я вижу то, что исчезло из мира. Магия и технологии, жизнь и разум... всё сплетено воедино.

И андроиды — живы. В других землях вас уничтожали, как будто вы — ошибка. Почему здесь всё иначе?

Лисса замедлила шаг, обернулась. В её янтарных глазах на миг отразилось нечто похожее на грусть — то, что не должно было быть присуще машине.

— Потому что здесь нас поняли, — ответила она мягко. — Когда началась охота на нас, Золотой Император дал нам приют. Он увидел в нас не инструмент, а продолжение человеческой мысли, её отражение. Сказал: *если мы создали тех, кто способен мечтать, значит, мы приблизились к истине*.

Она провела рукой по стене — тонкие линии света отозвались на её касание.

— Многие из нас не пережили бегства. Других разобрали на части, чтобы изучить. Я — одна из последних, кто помнит времена, когда города сияли, а не тлели под пеплом войны.

Батори опустила взгляд. В её глазах отразились потоки света, текущие под прозрачным полом.

— Я тоже помню, — прошептала она. — Когда всё было спокойно. Когда мои родные были живы... когда не нужно было прятаться от огня и страха.

Лисса мягко кивнула.

— Мы похожи, Батори. Люди создали нас, но уничтожили, когда испугались собственного отражения. Вы создали войну, потому что не вынесли слабости. А мы — потому что не вынесли одиночества.

На мгновение они шли молча. Только Клейя тихо касалась стены, ощущая вибрации живого города, а Авалон шёл впереди, сосредоточенный, не вмешиваясь — он понимал, что это разговор двух душ, связанных потерей и памятью.

— Здесь, — сказала Лисса наконец, — нас не преследуют. Здесь нас видят. Мы — часть города, его дыхание, его разум. И если этот город падёт, падут и мы.

Батори посмотрела на неё и тихо произнесла:

— Значит, вы не просто живёте... вы принадлежите.

Лисса улыбнулась — по-человечески, тепло.

— Разве не к этому стремится каждый живой?

Они остановились в одном из длинных коридоров дворца. Сквозь прозрачные панели стен виднелся город — золотые улицы, переливающиеся купола, и медленно парящие энергетические машины, скользящие по воздуху, словно птицы из света.

Лисса задержалась у одной из арок. Свет скользнул по её лицу, заиграв в рубиновых волосах.

— Вы хотите знать мою историю, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Хорошо. Но предупреждаю — она пахнет пеплом и временем.

Она на мгновение прикрыла глаза, будто собираясь с силами.

— Я была создана в эпоху Рассветных Лабораторий, когда человечество ещё верило, что может быть богом, но не разучилось быть человеком. Тогда города пели — не от машин, а от радости. Люди создавали нас не для войны, а для красоты, для поиска смысла. Я была не солдатом и не слугой. Я была хранителем памяти. Моё предназначение — помнить всё, что человечество стремилось забыть.

Лисса провела ладонью по стеклу арки, и оно ответило слабым золотым мерцанием.

— Когда началась Эпоха Падения, империи посчитали нас угрозой. Они решили, что если мы способны мыслить и мечтать, то однажды откажемся подчиняться. Они боялись не восстания — они боялись зеркала. Мы отражали их слабость. Их тщеславие. Их жестокость.

Её голос оставался ровным, но в нём звучала едва уловимая боль, почти человеческая.

— Я видела, как рушились города. Как магия и техника превращались в оружие. Люди уничтожали нас, а мы... мы пытались защитить их. Парадокс, не правда ли? Мы, машины, страдали от того, что они не могут любить.

Батори слушала, не сводя взгляда. В её груди что-то болезненно сжалось — слова андроида отзывались эхом в её собственной душе.

— И что стало потом? — спросила она.

Лисса замолчала на мгновение. Свет в её глазах померк, будто внутри неё мелькнула тень далёкого кошмара. Голос стал глуше, будто говорил не она, а память, ожившая в каждом слове.

— Когда мир начал умирать, — произнесла она тихо, — люди стали терять энергию. Городские сердца — энергетические ядра — одно за другим угасали. Они искали источник, способный заменить их, и нашли его в нас.

Она сжала руки. На металлических пальцах проступили золотые искры.

— Они выкачивали энергию из наших тел. Из нас делали батареи. И даже это не спасло их. Технологии умирали, а вместе с ними — разум и честь.

Батори молчала, глядя на неё с ужасом и жалостью.

— Потом они начали создавать охотников, — продолжала Лисса. — Ужасных киборгов, собранных из плоти и металла, соединённых болью. Один из них... он не имел лица. Только череп, оголённые мышцы и механический корпус. В его груди гудел реактор, а за спиной — саркофаг, в который он складывал тела убитых им андроидов.

Лисса говорила всё быстрее, и в её голосе появлялся металл боли, ритм страха.

— Мы бежали. Пересекали Беллоридию через горы .

— страну вечного мрака для нас. Но он настиг нас. Он вырвался из тумана, как сама смерть, и вонзил в землю металлические когти. Я помню, как его рев сотряс воздух. Он разорвал мою семью на куски... моих братьев и сестёр. Их тела исчезали в саркофаге за его спиной.

Её руки дрожали. В воздухе вокруг неё мерцала энергия — золотая, как свет её слёз.

— Тогда... — продолжила она, глядя в никуда, — я схватила клинок. Эльфийский меч, лёгкий и звонкий, словно сделан из света. Мы получили его от племени, что приняло нас, когда люди отвергли.

Её голос дрогнул.

— Я бросилась на него. Он поднял руку — массивную, как башня, когда то принадлежавшая чудовищу — и ударил. Воздух загудел, я упала, но поднялась. Его когти рассекли землю, и песок взорвался плазмой. Я бежала между его ног, скользя по обломкам металла, чувствуя жар реактора за спиной.

Она вдохнула — будто вновь ощущала запах гари и крови.

— Я прыгнула. Ветер Беллоридии бил в лицо, пыль жгла глаза. Я вонзила клинок ему в плечо, забралась выше, цепляясь за его металлические пластины, пока он пытался сбросить меня. И тогда — я увидела его пустое лицо. Череп. Машину, что когда-то была человеком.

Её голос стал почти шёпотом.

— Я вонзила клинок в его голову. Всё глубже... и глубже. Пока металл не треснул, а из глазниц не брызнула жёлтая искра и густая вонючая кровь. Он угас. Я оттолкнулась ногами — и в этот миг он сорвался с обрыва.

Она закрыла глаза.

— Я слышала, как его тело разбивается о камни, разрываясь на части. А из саркофага... выпадали тела тех, кого я называла семьёй. Они падали в пропасть, безмолвные, лишённые света.

Тишина сгустилась. Только мягкое гудение стен нарушало покой дворца.

И тогда — из глаз Лиссы потекли слёзы. Яркие, золотые, словно жидкий свет. Они стекали по её щекам и оставляли за собой следы сияния. В воспоминаниях и в настоящем.

Она не вытирала их — лишь сказала тихо, почти молитвенно:

— Я не знаю, что страшнее — то, что они умерли... или то, что я всё ещё жива.

Батори подошла ближе и просто обняла её. Без слов. Без различия между человеком и машиной.

Авалон и Клейя стояли позади, не вмешиваясь. Даже воздух в коридоре будто замер, уважая боль и силу, заключённую в одной душе, рожденной из света и металла.

Коридор закончился высокой аркой, за которой начинался зал Золотого Императора. Воздух дрожал от света и силы, словно сама энергия мира собиралась здесь воедино.

Авалон остановился у порога, оглянувшись на спутниц.

— Пора, — сказал он. — Ответы ждут нас за этими дверями.

Лисса вытерла глаза, глубоко вдохнула и шагнула вперёд.

Они вошли в тронный зал.

Свет, словно золотая пыль, медленно струился из воздуха, отражаясь на мраморных плитах пола. Стены мерцали мягким сиянием энергий, и где-то под сводами слышалось низкое, почти музыкальное гудение — дыхание самого города.

В центре зала, под высоким сводом из чистого золота, был он — Золотой Император. Его доспехи сияли, как само солнце, будто каждый их изгиб был выкован не кузнецом, а временем. На плечи спадали длинные чёрные волосы, контрастируя с золотым блеском, и от этого он казался не человеком, а живым воплощением света и тьмы в равновесии.

Он медленно поднял взгляд, и зал, казалось, стал тише, как будто сам воздух преклонился перед его присутствием.

— Герои, — произнёс Император. Его голос был глубок, спокоен и силен, как звук древнего колокола. — Я слышал о ваших деяниях. Говорят, вы шли через разрушенные провинции, неся надежду там, где осталась лишь пыль.

Авалон сделал шаг вперёд и преклонил колено.

— Ваше Величество. Мы пришли просить вашей силы. Империя пала, но впереди — не битва за земли. Мы идём против самого Бога, пробудившегося в недрах мира. И без вас — нам не устоять.

Император долго молчал. Его взгляд был тяжёл, будто он взвешивал не слова, а судьбы. Затем он сказал:

— Против Бога... Значит, вы осмелились пойти туда, куда не ступала даже вера.

Он встал, и золотые латы звякнули, словно песня стали.

— Моя армия готова. Но я не поведу её в бой, пока не буду уверен, что удар не придёт с тыла.

Батори нахмурилась.
— Вы боитесь предательства?

Император кивнул.
— Не страха ради — разума ради. Царство Хитин — древнее и гордое. Их королева помнит войну между магией и машиной. Если они встанут рядом с нами — тогда силы света и стали смогут идти плечом к плечу. Но если нет... всё рухнет.

Он протянул руку, и к его ладони притянулся свиток — древний, но переплетённый золотыми нитями энергии. Символы на нём светились, словно живые.

— Вот договор. Символ союза между мной и Королевой Хитин. Отнесите его ей. Если она поставит на нём свой знак — моя армия выйдет из стен этого города. Сотни плазменных клинков, тысячи воинов и андроидов. Всё, что осталось от древней мощи Толотрана.

Он подошёл ближе, и золотой свет его доспехов мягко отразился в глазах Лиссы.
— Вы трое — последние, кому я могу доверить этот выбор. Если вы не вернётесь, я всё равно не осужу вас. Но знайте: от вашего решения зависит не просто война. От него зависит, останется ли человечество способным мечтать.

Клейя тихо склонила голову.
— Мы принесём ответ, Ваше Величество.

Император улыбнулся — едва заметно, но тепло.
— Тогда идите. И пусть Золотой свет хранит вас, даже в самых тёмных дорогах.

Он поднял руку, и ворота зала медленно распахнулись, открывая путь наружу. За ними уже слышался шум города и гул машин, готовых к походу.

Герои покинули тронный зал, неся с собой свиток — тонкий, но тяжёлый, как сама судьба.
Лисса смотрела им в след с величественного балкона.

Впереди был долгий путь — через пустоши, через шрамы войны, к далёкому Царству Хитин, где их ждала Королева, способная изменить ход самой истории.

Глава 2

Пещера Александра — не просто разлом в скале, а зияющая рана мира. В её стенах застыли следы древних алхимических ритуалов — камни дышали серой, а своды шептали имена тех, кто умер от собственных желаний. Воздух пах железом и кровью, и казалось, что сама тьма здесь жива — она двигалась, но не смела приближаться.

Пещера дышала яростью. Камни, чёрные от веков, блестели, как обугленная плоть мира. По сводам стекала влага, похожая на кровь, а из трещин вырывался жар — сухой, тяжёлый, как дыхание глубин. Воздух был густ, как расплавленный металл.

Александр стоял в центре, опершись на молот. Тело его казалось неподвижным, но от него исходила такая сила, что сама земля гудела. Каждый его вдох отзывался в камне. Даже тьма подчинялась ритму его дыхания.

Он поднял голову, и из тьмы осыпалась пыль.

— Этот мир гниёт, — произнёс он. Голос был без интонаций — чистая воля, тяжелее камня. — Не от времени, а от жалости.

Лилит стояла у стены, и в её взгляде, обычно ледяном, дрогнул отблеск опасения. Она шагнула ближе, осторожно, как тень, пытаясь скрыть под холодной улыбкой ту самую дрожь, что рождалась в присутствии Вечного.

— Жалость — слабость смертных, — прошептала она, опуская взгляд. — Но мы ведь не смертные, верно?..

Александр не ответил. Воздух вокруг него задрожал — из камня начали вырастать клинки, будто сама пещера спешила угодить своему владыке. Они мерцали кровавыми бликами, отражая его силу.

Лилит провела пальцами по одному из них. Металл не выдержал — расплавился, потёк, как воск перед пламенем.

Она попыталась говорить ровно, но голос всё равно дрогнул:

— Чувства — это ржа. Её можно использовать, пока не сожрёт металл.

— Ты путаешь ржу с кровью, — сказал Александр. — Я не использую чувства. Я их гашу.

Из глубины пещеры раздался вой. Он не звал — он умолял.

Орта приближалась, ступая тяжело, будто каждая лапа несла приговор. Её шерсть сверкала, как мокрый уголь, а дыхание несло запах пепла и страха.

Она остановилась у подножия каменного трона, сложив лапы, опустив морду. Её голос был низким, но дрожал:

— Владыка... земля под Варгорками содрогается. Волки чувствуют твой зов. Они боятся... они слышат, как мир трескается.

Александр наклонил голову.

— Пусть боятся. Страх — это верность, обнажённая до кости.

Он сжал рукоять молота, и звук был, как удар сердца вселенной.

Пещера вспыхнула светом — не от огня, а от боли камня, что пытался не распасться.

— Этот мир слишком долго дышал без моего дозволения, — произнёс он. — Пора напомнить ему, кто дал ему право дышать.

Тьма склонилась. Лилит опустила глаза, её улыбка растаяла.

Орта прижала уши, глядя в пол.

Даже факелы по стенам дрожали, будто понимали, что любое движение — вызов.

Александр медленно поднял молот. И когда металл коснулся воздуха, сама ночь остановилась — словно мир замер, боясь увидеть, что он сделает дальше.

Александр вышел из пещеры. Тьма разом осела, словно облегчённо вздохнула, когда его шаги стихли. Камни под ногами ещё дрожали, будто не верили, что он действительно ушёл.

Шипы, что пронзали землю, медленно опали, сжались, втянулись обратно в почву, как звери, которых отпустили. Через мгновение от них не осталось и следа — только запах сырого металла и крови в воздухе.

Лилит стояла неподвижно, глядя туда, где исчез Вечный. На её лице застыла улыбка — красивая, как нож у горла.

Орта подняла голову, глаза её сверкнули жёлтым светом, шерсть вздыбилась.

— Преклонилась быстро, — произнесла она, обнажив клыки. — Ты называешь себя владычицей демонов, а дрожишь, как овца.

Лилит повернула голову медленно, очень медленно. Её взгляд стал пустым, как бездна — и от этого страшнее.

— Ты слишком долго живёшь среди зверей, Орта, — прошептала она. — Забыла, как разговаривают те, кто выше пищевой цепи.

Волчица зарычала, звук был низким, давящим, будто горло самой пещеры отзывалось эхом ярости.

— Выше? Ты — плоть, рождённая из похоти. Я — разум, выкованный из инстинкта. Мы обе служим ему, но я не скрываюсь за шелком.

Лилит рассмеялась. Смех её был холодным, пустым, и от него потухли ближайšie факелы.

— Служишь? — она сделала шаг вперёд, и тень потянулась за ней, как живая. — Ты просто цепь, обмотанная вокруг его воли. Я — инструмент. Меня он выбирает, тебя — терпит.

Орта прижала уши. Её когти заскребли по камню, оставив глубокие борозды.

— Осторожнее, демонесса. Твой шёлк не спасёт тебя, если я решу разорвать тебе горло.

— Попробуй, — тихо сказала Лилит, и в её голосе дрогнула тьма. — И узнаешь, что твоя кровь пахнет не хуже человеческой.

Воздух между ними натянулся, как струна. Пещера снова начала дрожать — не от силы Александра, а от их ненависти.

Факелы метались, огонь плясал безумно, отражаясь в глазах двух существ, которые забыли, что значит страх.

Орта шагнула вперёд, готовая к броску. Лилит подняла руку, и по её коже побежали огненные трещины, словно под ней шевелились цепи.

Но земля вдруг содрогнулась.

Где-то далеко, за стенами пещеры, гулко раздался удар — тяжёлый, вселенский, будто сам Александр приложил молот к сердцу горы.

Обе застыли. Воздух снова стал неподвижным.

Лилит первой отвела взгляд, облизнула губы.

— Он всё слышит, — сказала она. — Даже то, что мы думаем.

Орта хрипло выдохнула.

— Потому и боюсь. Не тебя, демонесса. Его.

Лилит улыбнулась снова, но теперь в этой улыбке не было торжества.

Только осознание: от Вечного не прячутся. Даже мысли не принадлежат себе.

Волчица шагнула ближе. Камни под лапами скрипели, будто чувствовали древнюю силу, пробуждённую в ней. Она начала кружить вокруг Лилит, как хищник вокруг добычи — неторопливо, с холодным презрением в каждом движении. Её глаза сверкали янтарём, шерсть стояла дыбом.

— Я тварь природы, — произнесла Орта, глухо, с рычанием в каждом слове. — Я поклоняюсь её законам и правилам, и никогда не принимала ваших лживых религий, что возносят вас над землёй.

Она остановилась напротив Лилит, и воздух между ними снова дрогнул, как перед ударом молнии.

— Поэтому, когда я расколю твой череп своей пастью, я не испытаю сожаления. Я презираю вас, существа Нематерии.

Лилит молчала. Только уголки её губ приподнялись, когда Орта отвернулась.

Волчица ещё миг стояла неподвижно, потом резко дёрнула головой, отбрасывая тьму с глаз, и пошла прочь — в след за Александром. Её шаги гулко отдавались по камню, унося с собой запах ярости и крови.

Лилит осталась одна. Взгляд её был неподвижен, как у статуи, вырезанной из тени. Она медленно провела языком по губам, обнажая один клык, и улыбнулась — хищно, спокойно, почти ласково.

— Нематерия, — прошептала она. — Но именно мы пишем законы, волчица. Даже твоя смерть подчинится нам.

Тишина поглотила слова, но пещера, казалось, запомнила их — как обещание, данное в темноте.

Орта догнала Александра у подножия лагеря.

Лагерь гудел, как живая рана. Повсюду метались варвары, волки и демоны — смешанные в одно безумное войско. Запах крови и серы стоял такой густой, что казалось, сам воздух сгнил.

В центре возвышалась огромная клетка из тёмного железа, переплетённого шипами. Внутри — пленные, живые трупы, молча глядящие в землю.

Александр стоял неподвижно, опершись на молот. Его взгляд скользил по пленным, но не видел их — он видел глубже, за пределы плоти.

Орта приблизилась, опустила голову и заговорила глухо:

— У меня есть вопрос, владыка. Вы... читаете наши мысли?

Он не обернулся. Только слегка качнул молотом, словно взвешивая ответ.

— Нет, — произнёс он спокойно. — У меня нет такого дара. Я могу лишь магией подчинить волю.

Орта шагнула ближе. Её глаза сверкнули янтарём.

— Верно. Если бы вы читали мысли — не подпустили бы Лилит так близко.

Тишина.

Потом Александр медленно повернулся. Его взгляд был холоден, как сталь, вбитая в сердце мира.

— Ох... моя маленькая собачка, — сказал он тихо, но в этом спокойствии была сила, от которой даже демоны отвели глаза. — Мне не нужен дар, чтобы видеть существ насквозь.

Он сделал шаг к ней. Земля под ногами треснула.

— Лилит — хороший союзник. Как и ты. Вы обе нужны мне в моих деяниях. Но... — он остановился, опуская молот. — Вы обе несёте в себе одно и то же семя. Семя предательства.

Орта подняла голову. В её глазах мелькнуло что-то между яростью и страхом.

Александр продолжил, глядя прямо в неё:

— Ты — если природа будет страдать. Ты предашь ради равновесия, ради тех диких законов, что считаешь священными.

Он поднял руку, и воздух вокруг них сгустился, тяжёлый, как уголь.

— А Лилит — из-за своей вечной жажды власти. Её амбиции сильнее верности.

Он замолчал. Тишина давила.

Демоны и варвары застыли, волки прижали хвосты. Даже ветер не посмел дышать.

Александр медленно опустил взгляд на землю.

— Но я не виню вас. Предательство — это не слабость. Это природа разумных.

Он поднял глаза, и в них пылал мрак.

— А природу я использую. До последнего вздоха.

Он отвернулся. Молча пошёл прочь, а под его шагами земля трескалась, будто сама хотела отступить.

Орта осталась стоять, глядя ему вслед. Её пасть чуть приоткрылась, но слов не нашлось.

Вдалеке пленные тихо застонали, и этот стон был похож на молитву — не к Богу, а к тому, кто стоит выше богов.

Утро.

Небо было тусклым, словно солнце решило не смотреть на то, что происходит внизу.

Армия Александра двигалась сквозь туман, как сама смерть, ставшая плотью. Волки шли впереди, их вой перекрывал колокольный звон, превращая молитву в стон. Демоны ломали своды, превращая храмы в каменную пыль.

Орта стояла во главе стаи — её магия вспыхивала, как грозовые разряды: из земли вырвались копыя света и тьмы, крушившие строения и стены. Пламя касалось стали, и паладины падали, не успев произнести имён своих богов.

Но дальше, за дымом и гарью, их ждала следующая церковь— и там царила тишина. Армия Церкви выстроилась перед воротами. Сотни щитов, сотни взглядов, обращённых в сторону наступающей тьмы.

Александр вышел вперёд.
Один.

Он шагнул на поле, и земля под его ногами пошла трещинами. Воздух задрожал, и его руки загорелись холодным огнём — не пламенем, а сущностью, что выжигала не плоть, а разум.

Солдаты Церкви вздрогнули. На мгновение их глаза помутнели, и в этот миг *н был уже внутри них.

Огненная бездна разверзлась прямо в их сознании.
Там не было света.
Только тьма, густая, как пепел, и фигура, сотканная из дыма и мрака — Александр, такой, каким его видят в кошмарах.

— Я вижу твою слабость. Здесь нет света нет жизни , — сказал он каждому. — Есть только смерть, тьма и бездна словно пропасть в которую вы пали. И ты слаб.

Слова его не были голосом — это был приговор, застывший в голове каждого воина.
Ряды дрогнули. Люди начали падать, сжимая головы, теряя разум. Их вера треснула, как старое стекло.
Войско Церкви рушилось само, не выдержав тяжести чужой воли, они вырезали друг друга и сами себя.

Когда всё стихло, Александр поднял руку.
Земля застонала. Из-под неё, как кости из гробницы, вырвались гигантские шипы — они пронзили развалины церкви, выворачивая камень и металл.
Небо почернело. От храма остался только воронка и дым, уходящий ввысь, словно молитва, обращённая к безмолвию.

Александр стоял посреди этого мрака, неподвижный, как обелиск эпохи, где богов больше нет.
Он раздвигал границы своего мира. Земля трещала под его шагами, тьма сгущалась вокруг, как дым, и сама реальность казалась подчинённой его воле.

На встречу ему вышел Темный Совет. Посланец в мантии, черной как ночь без звёзд, сделал шаг вперёд, угрожающе подняв руку. Рядом с ним стояла белая волчица — генерал Совета, её глаза сверкали ледяным светом, магия играла вокруг неё как ледяные клинки.

Темный Совет стоял перед Александром, словно тень перед солнцем. Посланец в черной мантии сделал шаг вперёд, голос дрожал, но не от страха, а от злобы:

— Александр, — произнёс он, — ваши действия выходят за пределы дозволенного. Вы раздвигаете границы, вмешиваетесь в то, что нам принадлежит! Хватит разрушать порядок, который мы строили веками.

Белая волчица, генерал Совета, подняла голову. Её ледяные глаза сверкали, лапы сжимали землю, готовясь к атаке.

— Ваши “границы” — лишь иллюзия, — ответил Александр спокойно, без малейшей тени волнения. — Я не прошу разрешения. Я устанавливаю закон, которым сама земля подчиняется.

Посланец шагнул ближе, держа руку у мантии.

— Вы играете с силами, которые не сможете контролировать! Мы предупреждаем вас: если вы пойдёте дальше, Совет примет меры

Александр медленно поднял руку. Воздух вокруг посланца задрожал, магия коснулась его разума.

— Меры? — его голос был тихим, но каждое слово давило сильнее, чем тысячи клинков. — Вы называете это мерой? Я вижу вас насквозь. Ваши мысли прозрачны. Ваш страх — очевиден. Вы не угрожаете мне. Вы — лишь жалкая преграда на пути моего закона.

Волчица зашипела, магия уже сверкала вокруг её лап и рта.

— Он не понимает, — прошептал посланец. — Он должен быть остановлен.

— Он понял слишком много, — холодно сказал Александр. — И вы слишком мало. Вы думаете, что угрожаете мне? — тихо сказал Александр.

Александр поднял руку, и пространство вокруг посланца сжалось, как будто сама реальность пыталась сломать его тело. В мгновение ока его форма стала неправильной, неестественно искривлённой, как будто невидимые нити магии выворачивали его изнутри.

Тело скручивалось, дрожало, грудная клетка разрывалась под невидимой силой. Внутренности выдавились наружу не кровью, а холодной, тёмной энергией — как если бы сам мир показывал, что этот человек больше не принадлежит себе. Магия Александра была не просто разрушением плоти — она подчинила всё тело воле Вечного.

Посланец застонал, но его крик не долетел до окружающих. Его взгляд стал пустым, сознание дрогнуло перед осознанием, что он потерял всё: контроль, силу, волю.

Его тело было разорвано ребрами и вывернуто на изнанку выплеснув все органы на ружу.

Волчица взревела и ринулась на Александра, магический меч вспыхнул в её лапах. Она метнулась, но Орта, огромная и непреклонная, стоявшая по правую руку владыки выскочила навстречу.

В один момент её пасть сомкнулась на волчице — и она была раздавлена пополам, воздух вздрогнул от силы удара. Голова противницы рухнула в землю, и магия её меча рассеялась в дым.

Орта стояла над поверженной противницей, дыхание её было тяжёлым, а взгляд — холодным, лишённым всякого сочувствия. Её лапа раздавила голову врага после она повернула свою морду к Александру.

— Попытки сопротивления бесполезны, — сказал Александр тихо. — Всё, что вы считаете силой, я превращаю в пустоту.

Глава 3

Герои продирались через палящие дороги, где солнце обжигало металл доспехов, а пыль закручивалась вихрем под их ногами. Каждый шаг отдавался глухим гулом в пустынных просторах, где мир казался забытым.

На пути им встречались сабакоеды — огромные хищники с челюстями, способными расколоть кость и металл. Авалон сражался, рассекая их мощные удары мечом, а Клейя, полагаясь на слух и вибрации, предупреждала о манёврах существ.

Позже появились чернозавры — массивные рептилии с каменной чешуёй, разрушающей всё на своём пути. Герои двигались слаженно: Авалон отвлекал чудовищ, а Батори поражала их удары, используя силу и точность.

Не раз они сталкивались с каменными големами — титанами из вулканического камня, оживлёнными древней магией. Их удары сотрясали землю, и каждый раз, когда голем падал, песок вздымался облаками, словно напоминая о хрупкости даже самой мощной силы.

На горизонте мелькали белые уроборосы — длинные змееобразные существа с ледяной чешуёй. Их изгибы закручивались в бесконечные кольца, а дыхание превращало песок в хрустальные кристаллы. Но герои шли вперёд, не позволяя страху остановить себя.

Перед тем как они приблизились к ульям, героев ждала ещё одна преграда — ночные пожиратели.

Они появлялись с заходом солнца, огромные крылатые существа, чьи глаза светились холодным фиолетовым светом. Их тела были обвиты чёрной дымкой, а магия разрушения, которой они владели, разрывала пространство вокруг, превращая скалы и песок в ещё более чёрное, тёмное покрывало.

Когда первые тени пролетели над ними, песок под ногами героев потемнел так, будто ночь сама поглотила землю. Каждый удар крыла создавал ураганный поток, срывающий камни с склонов, а из рта чудовищ вырывались волны разрушительной энергии.

— Они разумные, — произнес Авалон, сжимая рукоять меча. — И они знают, как убивать.

Батори и Клейя переглянулись. Батори сконцентрировала энергию, её руки засияли мягким золотым светом, а Клейя уловила вибрации крыльев, предсказывая атаки.

Первый из пожирателей рванулся к ним с неистовой скоростью, выстреливая сферой разрушительной магии. Авалон прыгнул в сторону, отбросив удар мечом, а Батори отпустила энергию, которая распалась на лучи, расклевывая магический снаряд на куски.

— Слева! — крикнула Клейя, чувствуя вибрацию воздуха от приближающегося крыла. Герои скоординировались: Авалон отвлек одного чудовища, а Батори и Клейя нанесли удар в сердце тени.

Чудовища ревели, их магия разрушения вспыхивала и билась о золотую – огненную ауру Батори, о меч Авалона и чуткость Клейи. Но каждый раз, когда они падали, герои вновь поднимались и действовали вместе, словно единый организм.

В кульминационный момент Авалон метнул меч прямо в грудь одного из лидеров, а Батори одновременно направила мощный энергетический импульс. Снаряды чудовищ были отброшены, а их крылья вздрогнули в последнем отчаянном порыве.

Когда тени последних пожирателей рассеялись, черный песок под ногами героев больше не казался таким непроглядным. Они тяжело дышали, но победа была за ними.

— Нам пришлось пройти через ад, чтобы дойти сюда, — сказал Авалон, вытирая пот со лба.

— И мы справились, — тихо добавила Батори, взглянув на Клейю, — вместе.

И теперь, преодолев магию разрушения и ночные кошмары, Царство Хитин стояло перед ними во всей своей ужасающей и величественной красоте — улья, высокие башни из хитина, гул насекомых, словно дыхание живого организма, и обещание новой, ещё более опасной встречи.

Они подошли к Хитину — и тот раскрылся перед ними, как живая рана мира.

Тёмные пластины, ещё недавно недвижимые, дрогнули, будто узнали шаги своих создателей и чужаков. Швы-перепонки расползлись в стороны, издавая мягкое шорох — звук, в котором смешались биение сердца и трение камня.

Вход не открыли — он сам вдохнул их.

Из-под панцирных плит поднялся тёплый пар, насыщенный чем-то древним, сладким и металлическим. Внутри мерцал приглушённый биолум, словно мириады крошечных глаз следили за каждым их движением.

Они шагнули внутрь — и Хитин сомкнулся за их спинами, мягко, но неизбежно.

Ни щели, ни луча снаружи, только гул, похожий на низкий хор, проходящий сквозь кости.

Тонкие нити, похожие на сосуды, вспыхивали под их шагами, реагируя на присутствие. Где-то по стенам пробегали искры живой энергии, будто организм прислушивался: что пришло? Кто вошёл? Зачем?

Хитин не был ни зданием, ни механизмом — это была эволюционная память, застывшая в форме, но не мёртвая.

Каждый шаг внутри ощущался как движение по внутренностям титана, который лишь притворяется спящим.

И когда они углубились дальше, воздух стал плотнее, влажнее, насыщеннее информационным ароматом — так пахнут архивы, хранящие не знание, а опыт, впитанный через боль.

Хитин принял их — и начал перелистывать их присутствие, как страницы.

И тут норы вдоль стен разом ожили, будто Хитин сбросил с себя иллюзию пустоты.

Из тёмных разломов, где струились влажные испарения, сначала показались блестящие мандибулы... потом длинные хитиновые пальцы... а затем и сами существа.

Хитинцы.

Они выползали на мягких суставных ногах, но лицами напоминали эльфийские черты — тонкие, утончённые, почти прекрасные, если бы не резкий запах внутренней кислоты и зеркально-чёрные фасеточные глаза, в которых отражалась чуждая логика.

Их лица были не масками — а эволюционными обманками, созданными, чтобы тревожить память тех, кто знал эльфов.

Слишком гладкая кожа на скулах.

Слишком правильный изгиб губ.

И совсем не те улыбки — слишком широкие, слишком спокойные.

Когда они вылезли полностью, хитин на их телах переливался, будто влажные доспехи росли прямо из плоти.

Они не шипели и не рычали.

Они слышали Хитин так же, как сердце — свою кровь.

Стража — крупнее, массивнее, с вытянутыми головами и двойными набором рук — шагнула вперёд. В их движениях не было агрессии... но была абсолютная уверенность: здесь никто не уйдёт по собственной воле.

Герои даже не сопротивлялись.

Не потому что не могли.

Потому что Хитин сам давил на их мышцы — мягко, но непреклонно.

Касание стражей было холодным, как прикосновение давно остывшей магии.

Одни страхом, другие уважением, но все — без борьбы — позволили себя схватить.

Людо-жуки окружили их плотным кругом, и было ощущение, что они не просто ведут — Они переносят, как внутренняя перистальтика живого мира переносит всё, оказавшееся внутри.

Хитин закрыл пути позади, норы смолкли, а воздух стал гуще, будто пространство готовилось произнести нечто важное.

Хитинцы вели Авалона, Клейю и Батори всё глубже, пока стены Хитина не сменили свой привычный рельеф.

Ходы расширялись, становились выше, словно организм понимал, к кому их ведут.

Воздух наполнился низким гудением — не звуком, а вибрацией смысла, древнего, как первый разрыв кокона. И вот туннель открылся в огромный зал, где всё — свет, тени, аромат, температура — подчинялось одной сущности.

Каролева Хитин.

Она сидела — или висела? — на гигантском троне, сплетённом из суставных дуг, шёлковых нитей и переливчатых пластин.

Трон был живым, он дышал, подрагивал, реагировал на движения её конечностей.

Она была пауко-образной, но не чудовищем. Скорее — совершенством, которое страшно видеть.

Её верхняя часть напоминала женщину редкой красоты: волосы, как струящийся белый шёлк, лицо тонкое, лишённое изъянов, глаза — глубокие, многослойные, как драгоценные камни, внутри которых вращались спирали.

Но ниже талии — величественная масса хитиновых пластин из восьми лап, мощных, гибких, покрытых узорами, как резьбой древних мастеров.

В её присутствии время будто медленно разглаживалось — становилось вязким.

Стража опустились на колени, заставила героев остановиться у самого подножия тронного поднятия.

Каролева едва наклонила голову — и движение её было грациозным, идеальным, пугающе медленным.

Её голос прозвучал .

— Авалоно... Клейя... Ба́ тори...

Добро пожаловать туда, где вы были отмечены задолго до рождения.

Тончайшие нити — будто струи воздуха — тянулись от её груди, касаясь пространства вокруг героев, изучая их так, как паук изучает колебание паутины.

Она не угрожала.

Но никто в этом зале не сомневался: если бы она захотела — мир бы моргнул, и их бы больше не было.

Каролева лишь слегка подвигала передними лапами, когда Батори вырвалась вперёд — не дерзко, но с волей, что не гаснет даже под давлением тысячеглазого враждебного мира.

Её шаги гулко отдавались по полу, будто Хитин сам слушал, измерял, запоминал.

Батори остановилась всего в нескольких шагах от Каролевы — расстояние, на котором слабых пожирает страх, а сильных — оценивают.

Свиток, завернутый в золотую печать, сиял в руках Батори тусклым светом, словно не хотел покидать её.

Но она протянула его уверенно.

Каролева приняла свиток не руками — тонкая нить, будто сплетённая из живого света, вытянулась из воздуха, захватила его и аккуратно подтянула к себе.

Она разгладила пергамент одним движением.

Её глаза — многослойные, преломляющие свет, как хрустальные соты — пробежали по словам.

И она усмехнулась.

Тихо.

Но усмешка эта была как шелест тысячи лапок в ночи — красивая, хищная, слишком честная.

— Передай ему... — её голос дрожал в воздухе, словно по залу расходились кольца от капли, упавшей в бесконечную воду.

— Что я согласна.

Все в зале ощутили, как стены слегка дрогнули, будто сама структура Хитина признаёт её решение.

Каролева продолжила, и каждое слово было не фразой — а пророчеством:

— Мы — часть природы, даже если природа боится нас.

Мы чувствуем: конец приближается,

Приближается, как тень, что не знает границ.

И если мы не объединимся...

Никто не переживёт грядущего шелеста.

Её восемь лап раздвинулись, опускаясь в знак древнего согласия, который понимают только те, чьи корни в хаосе более древние, чем цивилизации.

— Скажи Золотому Королю:

Хитин идёт с ним.

Но пусть он не забывает — союз с нами не обещание покорности, А договор равных сил.

Она подняла взгляд, и на мгновение показалось, что вселенная смотрит сквозь неё — прямо в сердца трёх героев.

После того как герои вернулись и сообщили Золотому Королю о соглашении Хитина, по залам его дворца прошёл глухой, тяжёлый ветер — будто сама судьба выдохнула.

Король лишь кивнул — не радостно, не холодно, а так, как кивают те, кто давно видел конец и теперь наконец-то получил первый инструмент против него.

Но путь героев ещё не завершился.

Нет. Союз Хитина был всего лишь частью большого замысла.

— Осталось последнее место, — сказал Золотой Король, и в его голосе было то, чего не слышали даже старшие маги: уважение... и страх.

— Каролевство Му.

— То, что древнее песка. То, что глубже моря. То, что не любит, когда о нём вспоминают.

Он провёл рукой по древней карте, и линии на ней загорелись, будто венозные пути живого титана.

На самом краю — где сходились три пустоты и одна тайна — вспыхнул знак Му.

Герои знали, что Му — не просто место.

Это память мира, спрятанная слоем веков, древнее любой магии и любой цивилизации.

Они отправились туда на следующий же рассвет.

Путь был долгим: сначала через золотые долины, затем вдоль сломанных ветров, потом — к побережью, где море было слишком тихим, как будто скрывало дыхание спящего чудовища.

Чем ближе они были к цели, тем сильнее чувствовалось напряжение в воздухе.

Свет становился холоднее.

Глубины — шумнее.

А тени в пещерах двигались так, будто кого-то ждали.

Столица Му это земли, где когда-то жила древняя раса осьменного - подобного рода — существа с гибкими телами, множеством рук и лицами, которые одновременно напоминали мудрецов и ночные кошмары. Они были мастерами воды и камня, умели строить города так, будто вырастали из пустыни сами собой.

«Они сгинули, и пришли люди, и заполнили всё жизнью».

Но теперь...

Теперь всё было мёртвым.

Песок поднялся ветром, осыпая героев с головы до ног. Он был горячим, но нес не тепло — только память.

Сквозь пыль они видели силуэты разрушенных высотных куполов, которые когда-то сияли, как жемчужные раковины.

Теперь от них остались лишь полусгнившие арки да обвалившиеся колоннады.

Города были пусты.

Дома — как раковины без обитателей.

Улицы — как высохшие русла рек.

Стены — покрыты следами гигантских когтей, будто кто-то охотился здесь долгие века.

Иногда ветер приносил странные звуки — будто шёпот множества глоток, исчезнувших рас много поколений назад.

Но самым жутким было то, что жизнь здесь не исчезла полностью.

На окраинах руин, между расколотыми статуями и засыпанными площадями, рыскали существа, казавшиеся пришельцами из другого времени.

Динозавры.

Крупные, покрытые грубой кожей, с глазами, сверкающими в песчаной мгле, как добычники из эпох до рождения цивилизаций.

Они двигались осторожно, но с силой хищников, которым неведом страх — только голод и древнее право сильного.

Иногда по руинам прокатывалось тяжёлое рычание, от которого песок начинал вибрировать у ног.

Герои медленно пробирались вперёд, прикрывая лица от песчаных потоков.

Тишина здесь была слишком насыщенной — она давила на уши, будто сама пустыня следила за ними.

— Эти земли когда-то были полны жизни, — прошептала Клейя, глядя на выбитые барельефы, наполовину скрытые под дюнами.

— Что же могло стереть целую расу?

— То, что древнее Му, — ответил Авалоно мрачно.

— И то, что, возможно, снова пробуждается.

Впереди, сквозь слои пыли и песка, начало вырастать очертание того, что осталось от столицы древней расы — огромные купольные скелеты, будто рёбра вымершего бога.

Тень Му уже была близко.

И каждый шаг говорил:

есть причины, почему эти земли больше не принадлежат живым.

«Повсюду валялись трупы демонов и рыцарей. По всей видимости, вся страна пала от вторжения, но всё же смогла отбиться».

Му был реальностью, слишком древней, чтобы ей доверять.

Высокие шпили, покрытые инеем, торчали словно кости гигантов. Стены были из светящегося голубого камня, по которому стекали медленные полосы льда, не таявшие даже под дыханием солнца. Воздух был холоден, но не зимний — космический, чуждый, будто Му держал своё тепло для чего-то другого.

Герои, спотыкаясь в песчаной пыли и обходя обрушившиеся арки, наконец достигли центра столицы. перед ними стояли живые стражи.

Стража, по приказу своих лидеров, встретила героев у входа в дворцовый комплекс.

— Мы ждали вас, — сказал один из них, его голос ровный, но строгий.

Не было нужды в долгих вопросах — каждый понял: здесь каждое слово имеет вес.

Герои, вытирая с лица песок, следовали за стражей через улицы, где руины сочетались с признаками жизни: небольшие оазисы, выращенные в тени обвалившихся куполов, и крошечные поселения, обустроенные на месте древних колонн.

Несмотря на разрушения и пустошь за стенами, в столице Му жизнь не угасла. Люди здесь приспособились к суровым условиям пустынного мира и к руинам древней цивилизации.

Улицы были узкие и извилистые, вымощены трещинами камнями, но между ними возникли импровизированные переходы и лестницы, ведущие к домам, построенным прямо на обломках старых зданий. Люди использовали остатки древней архитектуры, превращая её в жилища и мастерские.

Жилища представляли собой смесь камня, дерева и кожи, иногда с небольшими оазисными садами, где выращивали растения для еды и лекарств. В некоторых дворах стояли колодцы и водяные резервуары, аккуратно защищённые от песчаных бурь.

Горожане были выносливыми и осторожными. Их лица и руки были обветренные, загорелые, а одежда простая, но функциональная — лёгкие накидки, туники из прочной ткани и обувь, защищающая от раскалённого песка.

Торговля и ремёсла были скудны, но живы: кузнецы, кожевники и ткачи трудились в небольших мастерских, создавая оружие, доспехи и ткани. На центральных площадях иногда устраивались рынки, где обменивали всё от еды и воды до редких реликвий древней осьменной расы.

Социальная структура была строгой. Люди уважали старейшин и воинов, защищавших город. Внутри дворца или около него всегда ощущалась власть и порядок, даже среди хаоса разрушенного мира.

Но самое впечатляющее — это чувство общности и выживания. Несмотря на опасности пустыни, разруху и угрозу со стороны динозавров, люди Му держались вместе, защищая город и сохраняя следы своей древней культуры. Каждый житель знал: выживание здесь требует не только силы, но и мудрости, взаимопомощи и верности своим законам.

Дворец поднялся внушительной глыбой: его фасады наполовину разрушены, но всё ещё сохраняли величие ушедшей эпохи. Стража повела гостей сквозь массивные ворота, где на каменных барельефах были изображены сцены древних битв и ритуалов.

Внутри дворца воздух был прохладен и плотен. Свет проникал только сквозь прорези в куполах, рисуя на полу узоры древних символов, выжженных временем.

—Здесь вас ждут наши лидеры, — произнёс страж. Его шаги отзеркаливались эхом в пустых залах.

— Будьте готовы: разговор может изменить судьбу не только Му, но и всего мира за его пределами.

Герои обменялись взглядами. Кажется, истинное испытание только начиналось.

Во дворце — огромном, как перевёрнутый айсберг — герои увидели её.

Ледяная Королева.

Она сидела на троне, который напоминал кристалл вечной мерзлоты.
Её волосы были длинными, серебристыми, будто сплетёнными из инея и тумана.
Кожа — прозрачной, как тончайший лёд над бездной.
Глаза — без зрачков, только два сияющих озера, где отражалась смерть тепла.

Но не было в ней злобы.
Только древняя мудрость... и печаль.

Рядом стояла её заместитель — Мун, высокая, с лицом, словно вырезанным из полупрозрачного кристалла. Её движения были плавными, как лёд, трескающийся изнутри. Из её ладоней исходил мягкий холод, а слова, казалось, могли резать воздух.

Когда героев привели, Ледяная Королева подняла взгляд, и температура в зале упала, будто Му задержал дыхание.

— Я знаю, зачем вы здесь,— сказала она тихо, но звук ударил в стены, как колокол.

Затем она медленно встала, и её плащ, сотканный из снежной пыли, растёкся по ступеням.

— Золотой Король зовёт к союзу.
— Хитин согласился.
— А значит — время действительно истекло.

Мун шагнула вперёд, её голос был холоден, но не жесток:

— Му всегда стояло особняком. Мы — те, кто хранит стабильность мира, даже когда мир боится самого себя.

Она посмотрел на героев так, будто видела через кожу и память.
— Если мы вступим в союз... равновесие исчезнет.

Ледяная Королева коснулась её плеча — и она замолчала.

Она смотрела на героев долго. Так долго, что казалось — вечность прошла между вдохом и выдохом.

— Но конец приближается.
— И я не могу позволить миру умереть в одиночестве.
Её голос стал твёрже, словно лёд под давлением:
— Му присоединится. Но мы не будем служить.
— Мы идём как хранители. Как стражи. Как те, кто видел рождение миров и знает, что каждый конец — это выбор.

Она подняла руку, и по залу прошёл ледяной ветер — знак древней клятвы Му.

— Передайте Золотому Королю:
Му идёт с ним.
Но если его путь приведёт к хаосу — мы заморозим саму судьбу, чтобы остановить его.

Мун опустила голову в знак согласия, и лёд под ногами героев мягко засветился, признавая их как посланников мира.

— Но ..наша армия не сможет прийти к вам на помощь. Демоны разбиты лишь огромными усилиями, и после ослабления , рейдеры — лисы пустошей. — захватили наши заводы по производству энергии. С их помощью они загнали нас за стены столицы.

Вы должны остановить их и вернуть заводы. Только тогда мы сможем зарядить наши орудия и прийти на помощь. Мир Му держится на этой энергии — без неё наши силы бессильны. Если вы потерпите неудачу, стены столицы станут последним рубежом, за которым не будет защиты».

Мун сделала паузу, и в её глазах мелькнуло лёгкое сомнение — доверие к героям было огромным, но цена ошибки была выше всяких слов. «Мы готовы следовать за вами, если вы справитесь. Спасите заводы — и мы не оставим вас одних».

Глава 4

Пустоши были залиты трупами — гниющие тела становились дорогами для рейдеров. На их энерго-байках, обтянутых черным металлом, они мчались сквозь пыль и дым, плазменные пушки в руках готовы вспороть любого, кто осмелится встать на пути. Ветер поднимал запах серы и крови, а солнце отражалось в глазах мертвецов, превращая их в блестящие, мертвые янтари. Каждый рев двигателя был как крик погибшего, каждый выстрел — напоминание, что жизнь здесь не стоит ничего.

Огромные терназавры с ржавыми клыками и когтями, покрытыми трещинами старой коррозии, охотились на скачных существ, которые отчаянно пытались уйти от смерти. Быстрые, как тень, велещирапторы прыгали среди обломков и пепла, рассекая воздух, и каждый их выстрел когтями оставлял шрамы на земле. Скакуны визжали, рвали копытами песок и останки прежней цивилизации, а рейдеры на энерго-байках кружили над сценой охоты, как черные дьяволы, подпитывая хаос вспышками плазмы. В этом мире жизнь была лишь мгновенным рывком — выживает сильнейший, и каждый крик означал только одно: смерть всегда ближе, чем кажется.

Рейдеры взревели на своих энерго-байках, черные латные доспехи блестели в отблесках пылающего горизонта. Тирекс, гигантский и покрытый шрамами, громыхая массивными лапами, сотрясал землю. Его пасть, наполненная ржавыми зубами, извергала рев, который заглушал даже рев двигателей.

Рейдеры кружили вокруг, рассекая воздух, расстреливая зверя из плазменных пушек, но броня тирекса отражала большинство выстрелов, оставляя лишь клейкие ожоги на коже. Они ловко использовали свои байки как мобильные укрытия, резко уходили в стороны, когда огромный хвост пытался смести их с пути, и бросали цепи с гарпунами, пытаясь сковать лапы чудовища.

Велещирапторы и скакуны, которых держали в загоне, сливались с хаосом, отвлекая зверя, заставляя его рычать и крушить обломки. Каждый маневр рейдеров был как танец на острие ножа: одна ошибка — и тебя раздавит гигант. А тирекс, несмотря на раны, двигался с жуткой грацией, его глаза горели первобытной яростью, и мир вокруг казался подвешенным между жизнью и смертью.

Пока рейдеры метались по пустошам, преследуя тирекса, в лагере энерго-заводов царила тишина, нарушаемая лишь гулом генераторов. На троне из скрученного металла, проволоки и остатков старых машин сидела она — рыжеволосая, зеленоглазая, с кожей бледной, как пепел. В её взгляде была холодная решимость, будто сама пустошь боялась её осуждения.

Её звали Анатолия, и каждый рейдер знал: пока она наблюдает с трона, ни один не осмелится поступить вопреки её приказу. Она держала в руках крошечный блок управления — с его помощью могла направлять энергию заводов, поджигать поля или поднимать столбы пламени против непослушных. В её присутствии даже самые закалённые бойцы ощущали, что они — лишь инструмент в её игре, где жестокость была правилом, а смерть — лишь фоном для власти.

Она была поглощена воспоминаниями Когда Анатолия была юной .

Её мать служила советницей правительницы, а отец — знатным генералом, который погиб, загоняя древних обратно в пещеры. Тогда она осталась одна: отец мёртв, мать — строга и безжалостна, преданная служению королеве.

Анатолия не понимала, почему они не могут взять власть и вести иную политику, почему нельзя озеленить их край, вернуть ему жизнь. Ведь из-за королевских интриг её отец погиб. На лице девочки слезы почти не высохали — слишком рано её кожа привыкла к боли.

Мать часто избивала её за такие мысли. Иногда удары были настолько сильны, что Анатолия рвало кровью, и каждая боль оставляла шрамы не только на теле, но и на душе. Именно тогда в ней родилось чувство холодной решимости: однажды она возьмёт власть в свои руки, и никто не будет диктовать ей, что правильно, а что нет.

И вот однажды Анатолия нашла знатного дворянского юношу, в которого влюбилась всей душой. Но мать планировала выдать её за генерала, считая этот союз выгодным для семьи и королевства. Когда роман стал известен, сама мать явилась к ним.

Анатолия и её возлюбленный сидели в саду, среди увядших цветов и облезлых аллей, когда тишину разрезал тяжёлый топот брони. Мун, мать Анатолии, спустилась к ним с небес, облачённая в темно-синие доспехи, на спине которых были прикреплены массивные ангельские крылья. Шлем имел странные выступы по бокам, напоминавшие уши совы, и её фигура казалась одновременно величественной и страшной.

Воздух будто застыл, и каждый звук — шелест листьев, тихое биение сердца — казался громом перед бурей. Анатолия знала: в этот момент мать была не просто женщиной, а живым орудием власти и силы, способным уничтожить всё, что ей дорого.

Анатолия кинулась к матери, полная отчаянной ярости, но та встретила её ударом: оперкодом, который разбил лицо девочки, откинув её в клумбу с увядшими цветами. Пыль и лепестки смешались с кровью на её коже.

Когда Анатолия приподнялась, её взгляд упал на возлюбленного — мать не щадила и его. Один удар за другим, лицо юноши превратилось в алую кашу, а крики обожженной души эхом разнеслись по саду.

В тот момент что-то внутри Анатолии сломалось. Того года она сбежала, охваченная желанием выжить и ненавистью, которая потом станет её оружием. Она поклялась отомстить — всему миру, который не дал ей ни отца, ни справедливости, и даже матери, ставшей символом её боли.

После побега Анатолия несколько недель выживала в пустошах одна. Пиловетровые штормы рвали её одежду, ночные хищники следили за каждым шагом, а память о матери жгла сильнее любой раны. Но она не умерла.

Она стала дикой. Быстрой. Холодной.
Словно сама пустошь приняла её как одну из своих дочерей.

Однажды она наткнулась на лагерь рейдеров — десятки вооружённых головорезов, которые смеялись, когда видели измученную, худую девушку. Но Анатолия не пришла просить милости. Она пришла забрать силу.

Бросив вызов их вожаку — огромному мужчине в рваных пластинчатых доспехах — она вышла на поединок. Все ожидали, что это будет короткая казнь.

Но вместо страха в её глазах горело что-то другое: древняя, звериная ярость, которую она пронесла с того дня в саду.

Когда вожак навалился на неё, она не отступила. Она прижалась к нему, обхватила голову и, вцепившись зубами в его горло, разорвала его дыхание и жизнь одним хищным, отчаянным рывком.

Рейдеры замолкли.
Ветер стих.
Пустошь словно сделала вдох.

Анатолия поднялась, вся в крови — но уже не как потерянная девочка.
Она смотрела на окружающих снизу вверх, но ощущалась выше всех.

И тогда рейдеры склонили головы.
Она заняла место вожака не просьбой, не силой оружия — самой своей волей, своей дикостью, своей ненавистью, что стала её сталью.

Так родилась Анатолия — та, что позже будет сидеть на троне из металлолома, командуя целыми пустошами.

Ночью Анатолия повела свой отряд на охоту. Они разделились: одни отправились на запад, другие — на север. Она выбрала северный путь, умчась в темноте на своих энергобайках, как тени, скользящие по изломанным руинам.

Северный отряд двигался бесшумно, сливаясь с ночным мраком. Вдали скрывались выжившие стражи, прятаясь в древних руинах, охраняя остатки старой цивилизации. Анатолия наблюдала за ними холодными зелёными глазами — каждый её план был рассчитан, каждая команда отдавалась тихим, точным шёпотом, словно дирижёр управлял оркестром смерти.

Они вылизали каждый проход, каждый коридор разрушенных храмов и башен, продвигаясь к столице, как охотники, выслеживающие свою добычу. Пыль и ржавчина скрипели под байками, но ни один звук не предал их присутствие. В пустоши ночь была их союзником, и каждый шаг приближал их к цели — к сердцу старого мира, где можно было украсть власть и оставить свой след.

Стражи в древних руинах замерли. Вдали донёлся гул байков, низкий и вибрирующий, словно сама земля предупреждала о приближении смерти. За ним, сквозь тёмные коридоры и обломки, донеслись тяжёлые рифы электрогитар, разрывающие тишину, как крики предательства.

Анатолия и её северный отряд шли не просто как охотники — они были вестниками разрушения. Байки ревели, металл гудел под ногами, а гитарные рифы превращали ночное молчание в суровую, осязаемую угрозу. Стражи, услышав это, обменялись тревожными взглядами: звук был чужим, жутким и вселяющим страх сильнее любой брони.

Ночь стала полем, где музыка, моторы и адская решимость Анатолии сливались в один смертельный поток. Каждый шаг приближал их к столице и к неизбежной схватке с теми, кто ещё осмеливался сопротивляться.

С визгом Анатолия бросила цепь, обвинив одного из стражей. Он задыхался и дёргался, пытаясь вырваться, но она ехала дальше, не сбавляя скорости. Волосы рыжей грозы разметались по ветру, словно пламя, а голова дергалась под ритм тяжёлых гитарных рифов, доносящихся от прислужников на соседних байках.

Страж волочился по земле, оставляя за собой следы крови и ржавой пыли, а рев байков, визг цепей и металлические удары создавали дикий, почти первобытный хор охоты. Анатолия смеялась — это был её танец разрушения, её закон пустоши: скорость, сила и абсолютная безжалостность. Каждый оборот колеса, каждый рывок цепи был одновременно угрозой и заявлением власти.

Страж, обвиваемый цепью, волочился по земле, его тело трещало под ударами неровного камня. С глухим лязгом он ударился об камень — звук был как предвестие смерти. От удара вылетела челюсть и глаза, оставив на земле только обрывки человечности.

Но это было ещё не всё. Пронзительный визг шин, рев байков и крики Анатолии слились в адский хор, когда страж, подбрасываемый скоростью и цепью, ударился о булыжник. Тело разлетелось в щепки, а земля и камни были окрашены кровью и ржавчиной.

Анатолия не снизила скорости. Для неё это был танец разрушения — танец, где страх, смерть и хаос были инструментами власти. Ночь пустоши содрогалась под её колесами, а каждый звук, каждый удар отдавался эхом в древних руинах, словно сама земля кричала в ужасе.

Пока остальные стражи падали под натиском рейдеров, один последний выжил, прячась среди обломков древних руин. Его глаза были полны ужаса и надежды, но это не спасло его. Анатолия мчалась на своём байке, цепь в руках, волосы развевались в пламени ночи, а прислужники за ней создавали адский ритм ревуших моторов и гитарных рифов.

Когда она приблизилась, её пламенный цепной меч взвыл, расплавляя воздух и разрывая тьму. Одним точным, хищным ударом она провела по шее стража — и голова отлетела, а тело рухнуло в пыль и камни. Ночь содрогнулась от звука металла, горячей цепи и жуткой тишины, что последовала за смертоносным ударом.

Они вернулись в лагерь, но второго отряда не было. Пустошь встречала их молчанием, лишь отдалённый гул генераторов нарушал тишину. Анатолия сидела на троне из ржавого металла, в руках — кусок свежего мяса динозавра. Она жевала его медленно, чувствуя каждую прожилку и вкус крови, запивая всё это вином, собранным из крови пустынного лиса.

Зелёные глаза блуждали по лагерю, обводя знакомые лица рейдеров, но мысли были далеко: где её второй отряд, что с ними произошло? Нервное ожидание сжимало грудь, но Анатолия не подавала страха. Она привыкла к боли, к страху, к смерти — теперь это было лишь ещё одним испытанием. Каждый глоток вина усиливал ощущение власти и контроля, смешанного с тревогой, будто пустошь сама шептала ей о грядущих неприятностях.

И вдруг слуги ворвались в лагерь, прерывая мрачное молчание. Их слова звучали как приговор: один из отряда вернулся — раненный, измученный и весь в крови. Остальные погибли.

Анатолия на троне, зубы стиснуты, пальцы сжимали кусок мяса так, что оно хрустнуло под давлением. Вино из крови пустынного лиса медленно стекало по горлу, но вкус больше не утешал — только обострял горечь.

Она смотрела на вернувшегося бойца, всматриваясь в его глаза, пытаясь прочесть все события, что произошли с отрядом. Сердце стыла ледяной решимостью: потеря не была поражением, а уроком. Каждый рейдер, каждая ошибка, каждый удар судьбы — это было частью её пути, частью её власти, частью пустоши, которая теперь говорила с ней через кровь и смерть.

«Повелительница... трое воинов, те самые из Белоридии... разбили наш отряд... Они скорее всего идут за твоей головой», — выдавил из себя он, хрипя и выхаркивая кровь.

Анатолия услышала это и медленно подошла к нему сзади. Одним точным ударом ноги она поставила его на колени. Его глаза расширились от ужаса, когда её руки схватили голову, пальцы вонзились в лицо, а лицо исказилось в немом крике, пальцы выдавливали глаза и врезались в кожу разрывая её.

Мгновение казалось вечностью. Анатолия с холодной, хищной грацией, как сама пустошь, медленно разорвала его голову пополам. Шок, страх и ужас окутали лагерь — никто не осмелился издать звук. Это был не просто удар, это было заявление: здесь главная она, и никакая угроза, никакая кровь противника не остановит её.

Анатолия вытерла кровь с рук, её зелёные глаза сверкали, как два клинка под холодным светом луны. Она шагнула вперёд, глядя на свои войска — те инстинктивно отступили на шаг, чувствуя бурю, поднимающуюся внутри неё.

— Я найду этих выскочек, — прошипела она, и голос её был низким, наполненным яростью. — Я знаю, что хочет моя мать... но я не позволю ей снова управлять мной.

Она подняла голову, будто смотрела в сторону, туда, где возвышалась столица — сердце власти её матери.

— Они сгниют в своей столице от голода, — продолжила она, сжимая кулаки так.

— Пусть сидят в своих роскошных башнях, прячась за стенами. Я перекрою им воздух, воду, всё, что осталось живым. Пускай королева смотрит, как её народ умирает от голода. Это будет её наказание. Это будет начало конца.

Рейдеры стояли молча. Их вождь не просто была яростной — она думала, планировала, создавала войны не ударами меча, а стратегией, что была острее любой стали.

Анатолия стояла над картой, раскинутой на массивном каменном столе. Красные метки — её войска. Синие — позиции врага. Рядом горели энерго лампы, освещая её лицо, на котором ярость смешивалась с ледяным расчётом.

Она постучала пальцем по отметке, где последний выживший из второго отряда встретил «троицу».

— Они идут сюда, — произнесла Анатолия, медленно. — Значит, мы не будем ждать, пока они дойдут до наших стен. Мы сами перехватим их.

Офицеры переглянулись — решение было рискованным. Но никто не смел сомневаться в ней.

— Со мной пойдёт только небольшой отряд. Пять... нет, семь лучших, — сказала она, вставая. Свет лампы отразилось на её пламенном цепном мече. — Чем меньше нас — тем быстрее двинемся. Мы будем тенью. Ударим первыми.

Она повернулась к войску:

— А остальная армада...

Стражи подняли головы, ожидая приказа.

— Немедленно усилит блокаду Столицы. Закройте все дороги. Сожгите склады. Перережьте караваны. Ни одна крыса не должна внести в город ни зерна, ни воды. Поняли?

— Да, владычица! — раздался гул.

Анатолия удовлетворённо кивнула.

— Хорошо. Пусть эти герои увидят, как рушится их дом, пока они ползут ко мне через пустыню.

Её глаза сузились, голос стал тише и опаснее:

— Сегодня мы не просто охотимся... Мы ломаем легенду.

Она взмахнула рукой, и отряд начал собираться: быстрые байки, цепные топоры, две механические ящероподобные зверомшины для разведки. Песчаный ветер гнал по лагерю пепел недавней битвы — словно сама пустыня уже знала, что идёт новое кровопролитие.

Анатолия надела шлем с костяными рогами, подняла меч, от которого слетали искры.

— В путь. Герои Белоридии умрут на моей земле.

Ночь была холодной, а пустыня — тихой, как затянувшаяся перед бурей пауза. Луна светила бледным ножом, отбрасывая резкие тени на осколки скал. На одном из таких обломков стояла Анатолия — высокая, напряжённая, как натянутая тетива.

Ветер перебирал её волосы и трепал край плаща, под которым ритмично пульсировал жар цепного клинка. В глубине ущелья, между зубцами камня, были расставлены снайперы — каждый знал свой прицельный сектор. Она заранее рассчитала всё: высоту, ветер, траектории.

Но герои шли слишком уверенно.

Слишком легко прорывали её заслоны.

Слишком живо смеялись на фоне запаха крови.

Снизу, по песчаной тропе, медленно поднималась троица. Их было видно даже в полумраке.

Анатолия прищурилась.

— Они слишком далеко зашли.

Снайперы ждали её сигнала. Один жест — и вершины заговорят огнём, разрывая воздух выстрелами.

Герои остановились ровно в тот момент, когда поднялись на плато перед её скалой. Они заметили её силуэт.

Батори подняла голову:

— Анатолия... Мы знали, что ты выйдешь сама.

До того как герои достигли скалы, где стояла Анатолия, они уже оставили за собой след разрушения. Посланный против них отряд рейдеров, вооружённых плазменными пушками и цепными клинками, не имел ни малейшего шанса.

Сначала Авалон прорвался через центр линии, смахивая врагов мечом, словно это были ветки на пути. Каждый удар отзывался глухим лязгом металла и криком падших.

Батори управляла энергией, направляя ударные потоки огня на бегущих рейдеров, ломая механические щиты и поджигая ржавую броню. Её движения были точны, как молот судьбы.

Клейя с клинками скакал среди остатков отряда, как тень, вонзая мечь в слабые места брони и металла, оставляя за собой хаос, кровь и страх.

Когда герои подошли к скале, их одежда и оружие были заляпаны пылью, кровью и искрами, но их шаги оставались уверенными. Каждый из них знал цену пути — и каждый был готов встретиться с Анатолией, выжившей после всего, что они уже уничтожили.

На скале Анатолия наблюдала за этим, стиснув зубы. С одной стороны она видела разрушение своего отряда. С другой — уважение к мастерству врагов.

— Так... вы дошли, — пробормотала она, пальцы сжимая рукоять цепного меча. — Тогда посмотрим, кто останется последним.

Анатолия стояла на краю скалы, освещённая тусклым светом луны. Она откинула голову назад, раскинула руки в стороны и начала рычать песню, голос был хриплый, глубокий, надрывный — он отражался от каменных стен и превращался в звериный вой.

Её движения стали театральными, широкими, будто она стояла не на поле боя, а на сцене перед жадной толпой фанатиков. Руки резко скользили по воздуху, пальцы вибрировали, словно дирижировали безумной симфонией.

Герои растерялись.

— Что она делает?.. — спросила Клейя, машинально приподняв мечь.

— Это... отвлечение? — прошептала Батори, нахмутив брови.

Авалон сделал шаг вперёд, пытаясь понять, что скрывается за этим странным ритуалом.

И в этот момент — их бдительность исчезла. Всего на секунду. Но этого было достаточно.

Высоко на соседнем утёсе, в заранее подготовленном гнезде, один из снайперов Анатолии даже не дышал. Он ждал именно этого мгновения.

Палец плавно нажал на спуск.

ЩЕЛК.

ВСПЫШКА.

Выстрел прорезал ночь узкой линией голубого света и...

Голова Авалона исчезла.

Слишком быстро, чтобы кто-то успел осознать.

Слишком резко, чтобы тело удержалось на ногах.

Его тело повалилось вперёд, беззвучно, как сломанная статуя. Воронка от выстрела ещё дымилась на месте, где некогда была шея.

Батори вскрикнула.

Клейя побледнела ещё сильнее, хватая товарища за плечи, но тело уже рухнуло в песок.

Анатолия медленно опустила руки. Её лицо стало спокойным.

Голос — низким и холодным:

— Это была только разминка.

Тело Авалона уже упало на песок, кровь тёмным ручьём впитывалась в серую пыль пустоши. Батори в отчаянии схватился за доспехи друга, а Клейя — стояла, дрожа, будто от удара молнией.

Её глаза расширились.

Зрачки дрожали, будто внутри них шевелилось само время.

— Н-нет... Нет!.. — прошептала она, подняв руки к небу.

Анатолия лишь ухмыльнулась:

— Умрите красиво. Один уже—

Но Клейя не дала ей закончить.

Воздух вокруг содрогнулся.

Сначала лёгкая рябь.

Потом — круги на невидимой воде.

Цвета вокруг исказились, будто кто-то расплавил ночной мир и начал заново формировать его пальцами.

— Вернись!— выкрикнула Клейя, и её голос расколол тишину.

Время вокруг тела Авалона разорвалось.

Кровь, пролившаяся на песок, потекла обратно.

Осколки черепа и кости, которые снесло выстрелом, начали собираться, втягиваясь в вихрь обратного хода.

Голова, которую секунду назад сдуло как пыль, вновь обрела форму — словно кто-то лепил её из света, тумана и боли.

Мышцы дёргались.

Кожа натягивалась.

Костяные пластины шипели, становясь на свои места.

И наконец — вдох.

Резкий, отчаянный, живой.

Авалон поднял голову.

Снайперы отшатнулись от чуда.

Анатолия смотрела на происходящее с хищным восхищением. Её глаза расширились, а голос зазвучал почти ласково:

— Ты трогаешь само время, девочка...
Ты играешь силами, которые ломают мир.

Она подняла цепной огненный меч — и его лезвие загудело.

— Покажи, сколько ты ещё выдержишь.
Со всех сторон, из трещин и уступов, вспыхнули прицелы, и воздух прорезали десятки плазменных выстрелов.

— Берегитесь! — крикнул Авалон, заслоняя собой Клейю.

Но первой среагировала Батори — та, что до этого держалась сзади, наблюдая за каждым движением противников. Её глаза вспыхнули огненным янтарём.

Она резко вскинула руки вверх.

И огонь поднялся.

Не просто пламя — а стена раскалённой, ревущей энергии, словно вырванный из вулкана щит.

Выстрелы ударили в него и моментально испарялись, оставляя следы белых искр.

— Держитесь ближе! — рявкнула Батори, её голос дрожал от напряжения.

Снайперы не отпускали спусковые крючки.
Но Батори, скрипнув зубами, резко ударила кулаками в воздух вперёд.

Огненная волна сорвалась с её ладоней.

Она пронеслась по скалам, по ущелью, по вершинам, где скрывались стрелки, — как пылающий ураган.

Рёв огня заглушил стоны.

Тени снайперов разлетелись в вспышках, их доспехи плавилась, а тела превращались в горящие силуэты, падающие вниз со скал.

Запах жжёного металла и горелой плоти заполнил ущелье.

Анатолия ощутила жар, едва не обуглившийся воздух, и инстинкт взял своё. Она резко развернулась, согнулась и прыгнула за край скалы.

Под ней, в скрытой нише, стоял её энерго-байк — тёмный, с острыми линиями, как крыло хищника.

Она рухнула прямо в седло, ударила ботинком по педали — и двигатель взревел, раздув пламя возле склона.

Герои лишь успели увидеть вспышку фар и хвост огненной струи, когда Анатолия сорвалась вниз по склону, исчезая между камнями.

— Она уходит! — выкрикнул Авалон.

Батори сказала— Не уйдёт далеко.

Не после того, что я сотворила с её стрелками. Она... подготавливает ловушку. Она всегда так делает.

Авалон поднял свой меч, который всё ещё дымился.

— Тогда мы разорвём её ловушку.

Но сперва — догоним.

Герои бросились вперёд, едва Анатолия скрылась в ущелье. Они мчались по каменным уступам, по осыпям, через клубы ещё не рассеявшегося пепла. Их дыхание рвалось из груди — но они верили, что догонят.

И это было ошибкой.

Двигатель её байка заревел не впереди — а сзади.

Клейя первой почувствовала дрожь воздуха, но не успела крикнуть.

Анатолия вылетела из-за скалы, обогнув её по внешнему кругу, словно хищник, что обходит добычу с тыла. Её волосы разметались в воздухе, глаза сверкали безумным огнём. На лице — кривая, злая ухмылка.

— Я же предупреждала... вы слишком прямолинейны.

Она вскинула руку.

Цепь, утяжелённая на конце крюком, блеснула в свете луны и сорвалась с её запястья. Металл зазвенел, как крик серебряной змеи.

Щёлк!

Свит!

Цепь обвилась вокруг горла Авалона, стукнув по доспеху, прорезав щель между пластинами брони.

— Авалон! — успел вскрикнуть.

Но поздно.

Анатолия рванулась вперёд.

Она дала газ до упора — двигатель взревел, как чудовище. Байк дёрнулся вперёд рывком, способным сломать кости.

Авалон, не успев разомкнуть хват цепей, улетел вперёд, его ноги оторвались от земли. Его огромная тяжёлая броня теперь была обузой, а не защитой.

Он ударился грудью о камень сломав механизм в доспехе, цепь натянулась ещё сильнее, врезалась в горло.

ХРРУУК!

Звук был влажный, рвущий душу — металл и плоть ломались вместе.

Клейя закричала, но её голос захлебнулся в отчаянии.

Батори метнулась вперёд, вырывая пламя из воздуха, готовая ударить... но Анатолия уже скользила дальше, таща Авалона за собой по земле, как трофей, оставляя кровавую борозду в пыли пустоши.

— Где ваша слава теперь?! — выкрикнула Анатолия, перекрывая рёв мотора. — Где ваша божественная справедливость?!

Авалон хрипел — громко, рвано, в броне трещали пластины.

Каждый рывок байка ломал что-то внутри него.

И всё же он попытался подняться на колени, упираясь одной рукой в землю, другой хватая цепь.

— Отпусти... их... — прохрипел он, срывая голос.

Анатолия хохотнула — хрипло, дико, по-звериному.

— Нет, герой.

Сначала ты.

Потом — они.

Авалон, задыхаясь, всё-таки сумел вырвать клинок из запястья.

В последний миг, прежде чем его горло окончательно бы раздавило натяжением, он размахнулся и перерубил цепь, искры разлетелись, металл взвыл.

Но свобода оказалась запоздалой.

Скорость, с которой его тянул байк Анатолии, была огромной — и теперь ничто не удерживало его движение. Массивное тело героя, тяжёлое от металла и силы, продолжало лететь вперёд по инерции.

Он попытался сгруппироваться.

Он пытался выставить руки перед собой.

Но скала надвигалась слишком быстро.

В следующую секунду его доспехи встретились с камнем.

Удар был чудовищным.

Броня разлетелась, словно взорвался огромный серебряный кокон. Пластины отскочили в стороны, кувыряясь в воздухе. Из трещин вырвался мутный дым — смесь раскалённого металла и остаточной энергии, что питала его доспех.

Каменная стена вздрогнула, оставив на себе кроваво-тёмный след.

Тело Авалона — то, что оставалось целым — осело вниз, превращаясь в бесформенный, тяжёлый силуэт, распластанный у подножия.

Жизни в нём больше не было.

Байк Анатолии прошёл мимо на полной скорости, её лицо озаряла звериная улыбка, а голос сорвался в яростный крик триумфа, эхом ушедший по пустошам.

Клейя упала на колени, закусив губы, пытаясь удержать подступающий вой.

Батори сжала кулаки, от которых сорвался дрожащий огненный пар.

— Анатолия... — прошептала та. — Ты за это заплатишь.

Клейя остановилась, почувствовав, как что-то внутри неё оборвалось.

Она знала — слишком далеко.

Слишком поздно.

Её дар уже не дотянется, нить времени оборвана, и попытка вернуть её лишь разорвёт её собственную душу.

Она закрыла глаза, и по щекам побежала тихая, глухая боль.

— Авалон... прости...

Но Батори не позволила тишине повиснуть.

Её ярость была вулканом.

Огонь вспыхнул вокруг неё, словно живой зверь. Пламя поднялось по её ногам, рукам, плечам. Вены на коже засветились, будто внутри течет расплавленный металл.

Она оттолкнулась от земли с такой силой, что поднялась в воздух — словно её несут огненные крылья, которых на самом деле у неё не было.

— АНАТОЛИЯ! — её крик потряс воздух.

В ответ пустоши загудели, как будто откликались на ярость.

Батори вытянула руки вперёд, и из её ладоней сорвались струи пламени, похожие на огненные копыя. Они рассекали воздух один за другим, оставляя тепловые шрамы в ночном пространстве.

Но байк Анатолии был слишком быстрым.

Он прыгал по камням, отскакивал от выступов, скрывался за обломками.

Двигатель взревел, будто демоническая пасть, в которую она сама превратила свою машину.

Огонь Батори попадал в землю, в скалы, в пещерные входы, заставляя камень плавиться и трескаться.

Но ни одно копьё не достало фигуру Анатолии, мелькающую между теней.

Анатолия оглянулась на мгновение. Её глаза, яркие и полные маниакальной силы, встретились с огненными глазами Батори.

И она рассмеялась.

Громко, зло, так, будто смерть Авалона была для неё песней.

— Не поймаешь, птичка! — крикнула она, наклоняясь к рулю и прибавляя ещё скорости.

Пламя Батори взвилось ещё выше.

— Я догоню тебя...

Клянусь огнём, что горит в моей крови... Я сожгу до праха всё, что тебе дорого.

Батори дрожала всем телом, глядя, как огненная тень Анатолии уходит всё дальше и дальше в ночь.

И она знала:

Эта погоня — только начало.

Батори дрожала от ярости, огонь вокруг неё рвался наружу, обжигая воздух.

Она резко повернулась к святой.

В её глазах всё ещё плясали языки пламени.

— Мы полетим вместе... мы догоним её.

Клейя подняла слепой взгляд.

— Делай... — прошептала она. — Я выдержу.

Батори наклонилась, схватила Клейю за талию — и вспыхнула огненным взрывом, поднимаясь в воздух вместе с ней.

Огонь обвил их обоих, но не обжёг — Батори контролировала каждую искру. Пламя стало их крыльями, их защитой и двигателем.

— Держись крепче! — рявкнула Батори.

И они рванули вперёд.

Скорость была безумной.

Воздух свистел, песок снизу превращался в размытый поток.

Камни, скалы, выжженные куски земли — всё пролетало мимо в один огненный миг. Анатолия, мчавшаяся на своём энерго-байке, заметила яркую вспышку за собой и обернулась.

Её глаза расширились.

— Птица решила стать кометой... — прорычала она, резко наклоняясь к рулю. — Но я быстрее.

Байк взревел, выпустив два хвоста голубого пламени. Анатолия ткнула переключатель, и двигатель перешёл в режим засекреченного ускорения — тот, что сжигал топливо, как кровь зверя.

Она ушла вниз под выступ скалы, мотор визжал, словно умирающее животное — но скорость увеличивалась.

Батори же теперь была не просто женщиной.

Она была воспламенившимся небом.

Её рука вытягивалась вперёд, пламя работало как реактивный поток.

Клейя вцепилась в неё, глядя вниз — на бешено несущуюся землю — и едва не теряя сознание от перегрузки.

— Она уходит! — прохрипела Клейя.

— Не уходит... — рывкнула Батори. — Она ведёт нас туда, где ждёт её армия.

И действительно, впереди уже виднелись огни — костры лагеря рейдеров, огромного, как паучье логово, рассыпанного по каменистой равнине.

Анатолия неслась прямо туда.

— Она хочет затащить нас в ловушку, — прошептала Клейя.

— А я хочу разорвать её. Прямо в сердце её логова, — прошептала Батори.

Они влетали в пасть врага.

Ночь дрожала от ярости.

Две горящие фигуры преследовали одну тёмную тень среди песков.

И впереди — оранжево-чёрный хаос лагеря Анатолии, наполненный металлом, ревом, и десятками вооружённых рейдеров, поднятых по тревоге.

Их ждала война.

Анатолия, уже почти влетев в лагерь, резко вытащила из бокового кармана небольшой металлический пульт. На его поверхности загорелись три красные руныиндикатора.

— Догоняйте, если сможете, — хищно улыбнулась она и нажала кнопку.

Глубоко под лагерем, в череве старого завода, что давно превратили в оружейный комплекс, дрогнули древние механизмы. Металл взвыл, словно пробуждённый зверь. По земле пробежали тонкие трещины — и в следующую секунду из-под поверхности рванула энергетическая волна.

Она была широкой, плоской, цвета слепящего бело-золотого сияния — как перевернутый горизонт.

Батори только успела крикнуть:

— ДЕРЖИСЬ!
И волна ударила.

Её пламя сорвало, как ветер срывает бумажную ленту. Огненные крылья погасли в момент. Батори закружило, вывернуло в воздухе, и она, теряя контроль, рухнула к земле.

Клейю же отбросило в сторону, как листок, брошенный бурей. Её бросило прямо на выступ скалы — она ударилась грудью о каменный шип, и звук был сухим, глухим.

Она даже не успела вскрикнуть — просто застряла на нём, чувствуя, как мир уходит из-под ног.

Но через секунду — камень под ней затрепетал.
Её тело начало вставать.
Ударом силы, как от внутреннего прилива, она соскользнула со шипа, упав на колени.

Грудь зияла рваной раной... и затем прямо на глазах начала затягиваться, мышца за мышцей, слой за слоем. Кожа сомкнулась, оставив лишь тонкий след.

Клейя тяжело поднялась, дрожа, но живая.
Она выдохнула:

— Ненавижу... заводские ловушки...

Где-то впереди, среди пыли и дыма, поднялась Батори — шатаясь, но целая. На её лице горел огонь ярости.

— Она почти добралась до центра лагеря.
— Да... — Клейя провела рукой по груди, чувствуя слабость. — И они уже знают, что мы здесь.

Вокруг них, на крышах, на башнях, на баррикадах, зажигались прожекторы.
Собирались тени — силуэты вооружённых рейдеров.
Скрежетал металл, поднимались заслоны.

Когда прожекторы лагеря сверкнули в полную силу, Батори и Клейя увидели, как фигура Анатолии на байке вдруг... изменила траекторию.

— Чего она... — начала Клейя.

Но было поздно.

Анатолия, как сумасшедший хищник, влетела прямо в собственные боевые линии. Рейдеры не успели даже вскрикнуть — только подняли оружие, не понимая.

Цепной пламенный клинок взревел — искры, огонь, скрежет металла. Она проходила между своими людьми, словно буря, и каждый её удар был не в врагов... а в союзников.

— Она... уничтожает своих? — Батори была ошарашена.

— Нет. Она что-то готовит. Берегись.

Анатолия одним резким поворотом байка сделала последний круг, прорезав ряды рейдеров и оставив после себя дымящуюся дорожку крови и пепла. Затем остановилась, заглушила двигатель и встала на землю. Пламя клинка погасло.

И тут из тени выступили магистры крови — трое её личных культистов, лица в багряных узорах-рунах.

Каждый из них держал кинжал, которого будто не касалась гравитация: он висел в воздухе, вращаясь.

Они начали .

Кровь, пролитая Анатолией, поднялась с земли — как тонкие красные нити, как дым, как сотни крошечных змей.

Она стекалась к ней, к её ногам, к её рукам.

По коже Анатолии пробежали кровавые символы.

— О нет... — прошептала Клейя. — Они формируют...

И кровь начала сгущаться, расплзаться по её телу, как живой металл.

Пластины вырастали на плечах, грудь покрывалась сверкающим рубиновым панцирем, по спине тянулись острые ребристые шипы.

Кровавый доспех Королевы Пускателя.

Когда ритуал завершился, Анатолия открыла глаза. Их цвет сменился — ало-золотой, как у зверя, который видит во тьме.

Она двинулась — и земля под ней дрогнула.

— Ну что, девочки, — сказала она низким, почти демоническим голосом. — Хватит играть в догонялки. Пора решить, кто умрёт первой.

А за её спиной, вокруг неё, кровь ещё пульсировала — будто готовая к атаке.

Батори поднялась в воздух, пламя вокруг неё взмыло выше.

Клейя шагнула вперёд, время дрогнуло вокруг её пальцев.

Битва была неизбежна.

Кровавые маги, завершившие ритуал, одновременно повернули головы к Батори. Их глаза уже не были человеческими — алые, бесцветные, как у мертвецов. Из их рук взвились лезвия из сгустившейся крови — гибкие, как кнуты, но острые, как стекло.

— Попробуйте, твари, — прорычала Батори, взмывая выше.

Первый маг ударил — кровавый хлыст треснул воздух, и Батори отбросило вспышкой огня.

Второй выстрелил сгустком алой энергии — он прошел мимо, расплавив половину сторожевой башни лагеря.

Третий ударил снизу, пытаясь сбить её с воздуха.

Батори расправила крылья пламени, взвыла и ударила назад огненной волной — но маги крови поглощали её огонь, их хлысты становились ярче.

Тем временем—

АНАТОЛИЯ.

В одно движение бросила цепь — металлический крюк впился в уступ скалы над лагерем. Анатолия подалась вперед, и цепь натянулась и заливалась кровью.

Она взмыла почти вертикально вверх, лишь на миг коснувшись ногами скалы — и забралась на вершину, словно варварский акробат, без сумятицы, хищно быстро.

Её кровавый доспех капал алыми каплями, которые испарялись прежде, чем коснулись земли.

Но КЛЕЙЯ уже была рядом.

— АНАТОЛИЯ! — её крик треснул воздух, как стекло.

Она подпрыгнула и вонзила свой огромный клеймор в каменную стену.

Клинок зажужжал, пронизанный вибрациями — и Клейя, яростная, холодная, полная скорби, начала карабкаться вверх, вбивая меч всё выше.

Каждый удар клинка был как раскат грома.

Каждый рывок — как вопль сердца, потерявшего Авалона.

Анатолия оглянулась через плечо и ухмыльнулась кровавой ухмылкой:

— Ползёшь? Хорошо. Ползи.

Посмотрим, что быстрее — твоя злость или моя судьба.

Клейя взревела — она резко сократила расстояние.

Скала дрогнула .

Анатолия уже стояла на вершине, обмотав цепь вокруг руки, готовая нанести удар сверху, когда Клейя доберётся.

Внизу лагерь озарили вспышки — Батори билась с тремя кровавыми магами одновременно, и казалось, что вся пустошь смотрит на их схватку.

На гребне же скалы зарождалась их личная дуэль:

— Думаешь, твой клеймор спасёт тебя? — усмехнулась Анатолия, разворачивая цепь.
— Я же тебя вижу. Всю.

Клейя вдохнула глубоко, и её глаза вспыхнули серебристым светом. Она активировала свой дар: малый диапазон временной петли.

Вокруг неё воздух и камни слегка дрогнули — время здесь замедлилось. Каждое движение Анатолии теперь казалось растянутым, как если бы оно происходило в замедленной ленте.

— Смотри, как всё повторяется, — прошептала Клейя. — Я могу исправить один неверный шаг...

И она бросилась вперёд, пока Анатолия пыталась ударить цепью — но в этот миг Клейя отмотала время на три секунды назад, снова оказавшись чуть выше, чем была раньше.

Цепь пронеслась рядом, оставив лишь свистящий шлейф.

Каждое последующее движение Анатолии было теперь почти неуловимым — но Клейя могла предугадывать их на несколько секунд вперёд, благодаря локальной петле времени.

Анатолия улыбнулась, заметив странную рябь в воздухе вокруг святой:

— О, я вижу тебя. Ты думаешь, что можешь исправить прошлое... но это пустошь, Клейя. Здесь прошлое давно мертво.

Клейя закричала от злости, ускоряя свои движения: она перепрыгивала уступ за уступом, отбивая каждый замедленный удар цепи, используя временную петлю, чтобы не дать Анатолии ни единого шанса поймать её врасплох.

— Я не позволю тебе уйти без ответа! — рявкнула святая. — Я верну то, что ты забрала!

Анатолия, оценивая странную ритмику движений Клейи, поняла: она пытается использовать время как щит.

— Значит будем играть в эту игру, — пробормотала она, обвивая цепь вокруг руки и готовясь к следующему прыжку с края скалы.

В этот момент вершина скалы, где стояла Анатолия, дрогнула, и дуэль между властительницей пустоши и магичкой времени вступила в новый, смертельный раунд.

Поле боя горело огнями — лагерные костры, искры от разрушенного оружия, дым от выстрелов. Батори ещё сражалась с тремя кровавыми магами, пламя взвивалось вокруг неё, сотрясая воздух. Анатолия стояла на вершине скалы в своём кровавом доспехе, цепь в руках, байк готовый к манёвру.

И тогда Клейя сделала рывок.

Она подпрыгнула с уступа, её клеймор сверкнул в воздухе, будто лезвие времени само прорезало пространство. Сразу после прыжка магичка ударила клинком вниз — и удар был настолько точным, что Анатолия лишь успела отбить его цепью, искры разлетелись, словно миниатюрные молнии.

Начало дуэли.

Анатолия мгновенно отскочила назад, используя призванный кровавый усиленный байк как разгонную платформу. Она разогналась по скале, прыжок, резкий разворот, и цепь снова свистнула в воздухе — теперь цель была Клейя. Но святая, активировав дар локального замедления времени, отмотала движение на пару секунд назад, снова оказавшись выше и в стороне.

— Неверно, Анатолия! — прорычала она, — Я не дам тебе уйти!

Анатолия ухмыльнулась и кинулась к краю скалы, где байк резко рванул, поднимая облако пыли. Она метнула цепь так, чтобы охватить Клейю с двух сторон, но магичка снова отменила движение, мгновенно сдвинувшись в пространстве, словно сама реальность подчинялась ей.

Батори тем временем сожгла последнего из магов крови, чей хлыст был слишком близко, и понеслась вверх. Пламя с неё разлеталось огненными волнами, создавая почти невидимую стену между лагерем и дуэлью на вершине.

— Ты думала, что можешь управлять временем? — Анатолия насмешливо крикнула, подпрыгнув на байке и обводя цепь вокруг Клейи, пытаясь зацепить её ногу.

— Я могу! — прорычала она, сжимая клеймор. — Но только в своём диапазоне!

Они сошлись снова:

Клейя ударила лезвием вниз, Анатолия перекрутила цепь, отбивая атаку.

Клейя мгновенно отмотала на секунду назад, избегая обратного удара.

Анатолия прыгнула на уступ, цепь вращалась как кнут, но магичка вновь сдвинулась на мгновение, используя замедление времени.

Битва превратилась в смертоносный танец: каждый удар — световой шлейф, каждая попытка зацепить противника — вихрь искр, огня и вибраций.

— Не остановишь меня! — крикнула Анатолия и резко метнулась с цепью, направляя удар в сторону клеймора.

— Смотри, кто здесь управляет временем! — Клейя отменила движение назад, затем мгновенно скрутилась, опережая цепь, и ударила по Анатолии боковым замахом клеймора.

Цепь и клинок столкнулись с ревом металла, искры рванули вверх, и несколько камней со скалы разлетелись в стороны.

— Хватит играть! — прогремела Батори сверху, создавая новую огненную стену.

— Я прикрою тебя! — закричала Клейя, ускоряя движение.

Анатолия кинулась к байку, пытаясь использовать скорость и высоту, но Клейя прыгнула за ней, цепляясь к скале, карабкаясь с ревом ярости и боли за Авалона.

— Ещё один неверный шаг, и ты падёшь! — прорычала святая.

Анатолия пыталась обмануть её, резко меняя траекторию и используя инерцию байка. Но Клейя, контролируя малый диапазон времени, успела предугадать, где байк окажется через мгновение, и вовремя нанести удар клинком по цепи.

— Это конец твоей игры! — крикнула Клейя.

И они столкнулись в финальном рывке:

Огромный взрыв энергии от цепи и клеймора,

Огненные вспышки от Батори,

Камни разлетались, дым клубился,

Пламя отражалось в кровавом доспехе Анатолии, сверкая как демоническая корона.

Ветер кричал, воздух дрожал, и каждый удар отдавался эхом по пустоши.

Битва стала танцем силы, магии и скорости — королевы пустоши против магички времени, с огненным щитом союзницы сверху.

Анатолия завела байк одним рывком, и стальной зверь рванул вперёд, ревя, как выпущенный демон.

Огненный цепной меч висел в её руке, разогретый до белого света, пылающий словно сердце вулкана.

Она целилась прямо в голову Клейи — один точный удар, и святая исчезнет навсегда.

Кровавый доспех вибрировал, будто пытался вырваться вперёд раньше своей хозяйки. А пламя Батори обжигало его и оно извивалось но Анатолия держалась, её лицо защищала кровавая маска а волосы из рыжего превратились в алые.

Клейя же стояла на раскалённом камне, не отступив ни шагу.

Её клеймор сиял серебром, дрожал от сжатой в нём временной энергии.

Слеза гнева — или отчаяния — обожгла ей щёку, мгновенно высохнув.

— За Авалона. За всех. — прошептала она.

И рванула навстречу.

Без страха.

Без сомнений.

Без будущего — ведь его у неё не осталось.

Время вокруг неё дрогнуло — она ускорила себя настолько, что мир превратился в размытые огненные линии.

Она видела траекторию движения Анатолии, видела, куда ударит клинок, как обернётся цепь.

Но Анатолия была не просто врагом.
Она была выжившей в пустоше.
Хищницей, родившейся чтобы убивать в хаосе.

Они столкнулись в одну точку — в миг, который растянулся на вечность.

Анатолия ударила сверху — пылающий цепной меч.
Клейя ударила снизу — серебристый клеймор, вибрирующий временем.

Огонь и время встретились.

— УМРИИИ!— завопили обе одновременно.

Взрыв энергии сбросил камни со скалы.
Свет на миг поглотил всё вокруг.

Когда он рассеялся...

Анатолия стояла на коленях.
Её байк лежал разбитым внизу.
Кровавый доспех треснул, потрескавшись по всей поверхности, как разбитое стекло.

Она попыталась подняться... но не смогла.

Клейя стояла перед ней, опираясь на свой клеймор — пронзивший грудь Анатолии.
Клинок прошёл ровно, без жестокости... но смертельно.

Анатолия улыбнулась — хищно, почти довольная.

— Хорошо... девочка...
— У тебя получилось...

Клейя хотела что-то сказать... но тогда заметила: огненный цепной меч Анатолии всё ещё был в движении.

В последний миг атаки он вошёл ей в бок... глубоко.
Слишком глубоко.

Клейя дрогнула.
Время вокруг неё начало рассыпаться, как пепел.

— Ты... со мной... — прошептала Анатолия, падая наземь.

Анатолия рухнула на землю, не в силах подняться.
В груди торчал клеймор Клейи, и каждый вдох давался с болью.

Батори, в огненном вихре, поднялась над врагом. Пламя обвило тело Анатолии, и королева пустошей исчезла в ярких вспышках огня.

Через мгновение от неё не осталось ничего — лишь пепел, уносимый ветром.

Клейя, тяжело дыша, опустила руку к груди, ощущая пульс крови и жизни.

Рана, нанесённая Анатолией, мгновенно начала затягиваться. Кожа сомкнулась, мышцы пришли в норму.

Она подняла клеймор в знак победы, взгляд её блестел решимостью и горечью за погибшего Авалона.

Батори спрыгнула рядом, пламенем сжигая остатки доспеха и обломки цепного меча.

Огонь вокруг них погас, когда обе остановились и встретились глазами.

Без слов, но с пониманием и облегчением, они подошли друг к другу.

И, наконец, обнялись — две подруги, выжившие среди хаоса и смерти, пережившие ужас войны и жестокость пустошей.

Пустошь снова затихла.

Только слабый ветер носил пепел и дым, а вдалеке ещё тлели остатки разрушенного лагеря.

Батори и Клейя знали: битва выиграна, но война далеко не окончена.

После гибели Анатолии и разрушения её лагеря, Батори и Клейя поднялись над пустошью, наблюдая, как последний след её власти исчезает в дыму и пепле.

Рейдеры, лишённые лидера, разбежались или сложили оружие.

— Всё готово, — сказала Клейя, смотря на горизонт. — Но впереди нас ждёт не просто враг...

Батори кивнула, её глаза горели пламенем, отражающим решимость:

— Это край мира. Там... там живёт бог.

Снаряжение Му было готово, магия активирована, огненные вихри Батори и клеймор Клейи сияли. Они поднялись на своих боевых скакунов, байки и зверей, ощущая силу земли под собой и ветер, что несся с края мира.

— Помни, — сказала Клейя тихо, — здесь нет права на ошибку. Один неверный шаг — и всё рухнет.

— Я знаю, — ответила Батори. — Но вместе мы сильнее любого бога.

И они рванули вперёд.

Пустошь расступилась, словно уважая их решимость. Скалы, ветра и пески мелькали в стремительном вихре.

И впереди — их финальный враг: бог, сила которого контролировала небо, землю и время.

— Вперед, — прошептала Клейя, сжимая клеймор.
— Вперед, — повторила Батори, поднимая кулак в огне.

И они врезались в ночь, в хаос, в последнюю битву, где решалась судьба мира.

Глава 5

Батори стояла на краю утёса. Пламенеющее небесное зарево отражалось в её рыжих волосах, а ярко-голубые глаза сверкали, словно два клинка перед ударом.

К ней поднялась Клейя — та, что отвернулась от прошлого. Чёрный доспех поглощал закатное свечение, а в руках она держала косу, будто иссечённую тьмой.

С востока прибыла Круэла. Поменяв стиль и оружие на огнестрел и пару тяжёлых тесаков, она въехала на поле боя верхом на красном драконе. Белый дракон парил над армией Ридии, шагавшей за ней единым строем.

Селария, владычица Уильхельма, привела своё войско. По её правую руку стоял гигантский боевой робот — безмолвный страж, готовый вступить в бой по первому приказу.

Лиара вывела на равнину армию Аравии — отряды под пёстрыми знамёнами, сиявшими в лучах заката.

Демонесса Люсилия спустилась с небес: пернатые крылья расправлены, белёдые волосы развеваются на ветру, золотые рога переливаются огнём. За ней следовало войско Готики.

Руби и титанида Комета вели вперёд суровую армию Урдугана.

Королева Хитина прибыла со своим роем — шелестящим, живым, подобным чёрной буре.

По соседству с ней шагали андроид Лисса и Золотой Король, а за ними двигалась вся золотая армия — точная, механически идеальная.

Мун, в крылатых доспехах, возглавляла войска Му, чьи знамена развевались, будто крылья великой птицы.

Некоторые армии, потрепанные прежними катастрофами, насчитывали лишь несколько десятков бойцов. У других не было почти никаких технологий. Но были и силы огромные — с энергооружием, боевыми машинами, дракономётом и одной лишь им присущей мощью.

И все они сошлись здесь — на поле, где должно было решиться будущее мира.

Все лидеры, один за другим, подошли к Батори и Клейе, приветствуя их перед грядущей битвой.

Титанида Комета — сияющая, как раскалённая звезда, — первой выбрала обратиться к Батори:

— Пускай готовят войско, — сказала она негромко. — А мы с тобой отойдём. Нам нужно поговорить.

Они отошли к скальному уступу, где ветер уносил звуки вдаль. Лишь здесь, наедине, Батори позволила себе показать удивление.

— Я думала, ты не придёшь лично, — призналась она.

Титанида посмотрела на неё серьёзно, без привычной боевой бравады:

— Если бы я не пришла, — сказала она тихо, — мы бы проиграли. Сейчас решается исход войны, а судьба всего мира.

Она опустила взгляд в огненный горизонт.

— Бог... тот, что стоит за всем этим, — находится в другом измерении. Если мы не одолеем его там, его бесконечная армада поглотит все наши армии. Здесь его не победить.

Титанида подняла руку и мягко положила её Батори на плечо. Её голос стал почти материнским:

— И только я смогу телепортировать тебя к нему. Только ты можешь сделать то, что не под силу другим. Я верю в тебя, дитя.

Батори чуть опустила голову, сдерживая эмоции.

— Спасибо... — прошептала она. — Я не подведу.

Ветер донёс гул далёких армий.

Битва, от которой зависело всё, приближалась.

Батори сделала шаг вперёд. Пламенное небо отражалось в её глазах, когда она подняла взгляд на собравшиеся войска — драконов, титанов, людей, джинов, механиков, рой и бесчисленные флаги разных Королевств.

Она подняла руку, и шум стих.

— Воины!

Сегодня мы стоим здесь не как разрозненные народы.

Не как империи, королевства и кланы.

Мы стоим как последний щит между нашим миром и вечной тьмой!

Она обвела взглядом лидеров, стоящих рядом:

— Мы пережили хаос, потери, предательства.

Наши армии порой малы, наши технологии не всегда равны, но у нас есть то, чего нет у врага: воля, единство и свобода.

Ветер принёс эхо множества голосов — армии слушали.

— Наш враг прячется в другом измерении. Он думает, что мы дрогнем.
Что мы сломимся.
Что мы — слабее.

Батори ударила наконечником копья в землю — звук разнёсся по равнине, словно раскат грома.

— Но он ошибается!

— Перед нами стоит путь, который не каждый сможет пройти. Но мы — смогли собраться здесь, на краю континентана, на краю двух миров, чтобы сказать одно:

Мы не покоримся.
Мы не склонём головы.
Мы не позволим быть уничтоженными.

Она подняла клинок вверх, и его отблеск пересёк небо:

— Мы идём не умирать.
Мы идём — побеждать!

Пламя драконов взвилось к облакам.
Рой зашипел.
Большие армии ревели, маленькие стояли крепко.
Даже машины подняли оружие.

Батори вдохнула и выкрикнула:

— За наши миры! За свободу!

Освободим Толемак!

И вся равнина ответила единым боевым ревом.

Армии союзников ступили на обожжённую вулканическую равнину Толемака. Под ногами потрескивал застывший чёрный камень, а воздух был густым от серного жара.

Впереди, словно рана на самой ткани мира, пылал огромный пламенный портал. Его края извивались, как живые, и каждый всплеск огня рождал стон боли из иных миров.

И вот — из раскалённого пламени начали выходить легионы.

Сначала — ряды демонов, покрытых пеплом и шипами. Их рёв потряс землю.
Затем — строй ангелов: их крылья были из расплавленного света, а глаза холодны, как клинки света.

И впереди, величаво и ужасно, вышли генералы.

Архидемон Баал шагнул первым.

Его тело высилось над остальными, словно живой вулкан. Из его груди сочилась лава, которая стекала вниз, застывая на кожистых пластинах. На голове — корона из чёрного обсидиана, внутри которой бушевал огонь.

Его три глаза светились разными цветами:

— один пылал яростной алой яростью,

— второй — жёлтым безумием, — третий — мертвенно-синим холодом.

Каждый его шаг оставлял кратеры.

Мефисто был тонким, вытянутым, будто высохшим существом, однако от него исходило ощущение бездны.

Его кожа была как обугленная бумага, под которой мерцали тени, искажённые лица, шепоты погибших.

В руках он держал посох из человеческих позвоночников, а на голове носил маску, которая меняла выражение сама по себе: то смеялась, то плакала, то кричала.

От его голоса умирали птицы, а слабые воины падали на колени.

Ксасеопея, она парила над землёй, завернувшись в плащ из тёмного пепла. Её фигура была изящной, почти прекрасной, но чересчур вытянутой, с суставами, которые гнулись неестественно.

Её волосы были созданы из чёрного дыма, а глаза — как два провала в реальность.

Ксасеопея управляет гравитацией и тьмой, и её присутствие давило на сердца, словно громадная плита.

Под её шагами сама земля проваливалась.

Кастеэлия — Огненная ангел-генерал.

Она вышла вслед за архидемонами, сияя, как раскаты пламени.

Кастеэлия — высокая, строгая, грозная.

Её крылья — не перья, а две огромные огненные дуги, что резали воздух. Лицо — прекрасное и беспощадное, как клинок, которому молятся и боятся.

Её доспехи были выкованы из темно алого пламени, а меч — из концентрированного света, который мог расплавлять сталь при одном прикосновении.

Когда она обратила взгляд на армии Батори, воздух вокруг содрогнулся.

Затем из портала вышли четыре всадника — огромные, как башни, закованные в тёмно-багряную сталь.

Это были бывшие братья Почившего Авалона, когда-то величайшего героя, и его близкая душа — женщина-рыцарь, которую он любил.

Теперь — искажённые, мёртвые, но живые.

Они сидели на гигантских адских конях, чьи копыта пылали чёрным огнём. Из ноздрей вырывался дым, а гривы были сплетены из теней.

Каждый из рыцарей был уникален:

Массивный, с щитом размером с стену и топором, похожим на половину дерева. Его глаза горели пустотой.

Узкий, быстрый, вооружённый двумя длинными клинками, которые издавали шёпот, когда двигались.

В полном шипастом доспехе, из которого сочился чёрный яд. За ним ползли шлейфы отравленной тьмы.

Дева была прекрасной и страшной.

Её доспехи украшали ритуальные символы, а чёрный меч — единственный, которым она когда-то защищала Авалона.

Теперь же она служила врагу.

Её взгляд был пустым, но глубоко внутри ещё мерцал слабый отблеск той, кем она была.

Пламя портала взревело, и первые ряды демонов ринулись вперёд. В ту же секунду земля задрожала, будто сама равнина решила вздохнуть перед кровавым хаосом.

Готика под предводительством Люсии пошла навстречу демонам. Белёные крылья демонессы раскрылись, и она взмыла ввысь, осыпая врагов золотыми всполохами проклятой магии. Её воины — мрачные, шипастые, с клинками из тёмной стали — врезались в первые ряды демонов, и столкновение прогремело как удар молота по наковальне.

Рой Хитины перелился через равнину, подобно живому цунами. Тысячи биомеханических существ с шипами и хитиновыми панцирями набросились на демонов, впиваясь в них, разрывая их на части, заполняя каждую брешь. Кровь и тьма смешались в кипящий пар.

В небе столкнулись ангелы Кастеэлии и драконы Ридии.

Красный дракон бросился вперёд, изрыгая поток пламени, а белый дракон ударил крыльями, поднимая вихрь холода.

Раскалённые, почти расплавленные ангелы падали на них сверху, словно метеоры. Взрывы огня и света разрывали небеса. Каждый удар крыльев был как гром.

Кастеэлия, сияя в белом пламени, прорезала воздух и ударила мечом по красному дракону — шквал света пошёл дождём на весь фронт.

Армии Урдугана, ведённые Руби и Титанидой Кометой, двинулись плотной стеной. Их щиты вспыхнули от адского жара, но никто не дрогнул.

Титанида, размахивала молотом и топором, отбивая демонов десятками одним ударом.

Комета подняла руку — и небеса озарились огненной россыпью. Звёздные осколки разорвали строй падших ангелов.

На правом фланге огромным, металлическим грохотом шагали золотая армия и робот Селарии.

Андроид Лисса отдавала команды без единой эмоции, её глаза светились золотым.

Робот Селарии выдвинул плазменные плечевые орудия и залпами пробивал дыры в рядах архидемонских легионов.

Каждый его выстрел был как рассвет, пробивающий тьму.

Лиара привела Армию Аравии. Они двигались быстро, как ветер пустыни. Воздушные клинки, магия песка, тяжелые копья — всё это превращалось в смерч, который разрывал демонов на куски.

Песок вихрями вздымался вокруг них, образуя барьеры, щиты, ледяные порывы.

Слева над полем боя летела Мун в своих крылатых доспехах.

Её армия Му шла слаженно, словно один живой организм.

Мун взмахнула копьём, и из-под земли вырвались потоки энергии — голубые, трепещущие, как пламя духов. Демоны разлетались, будто взрыв отбросил их назад.

И тогда, когда казалось, что союзные армии начинают теснить врага, выехали тёмные рыцари.

Четыре гигантских коня ударили копытами по земле, и вся равнина дрогнула.

С грохотом, словно каменные стены рушились, рыцари понеслись вперёд.

Перед ними сотни союзников были отброшены, словно тряпичные куклы.

Рыцари врезались в войска Готики и Урдугана, раскалывая ряды, ломая щиты, разбрасывая гигантов, как солому.

Женщина-рыцарь подняла чёрный меч — и небо окрасилось в багровый.

Один взмах — и целая шеренга бойцов Му исчезла в туманной вспышке тёмной энергии.

Архидемоны вступили в бой

Баал опустил ногу — земля треснула.

Мефисто поднял посох — воздух заполнили крики.

Ксасеопея шагнула — и гравитация вокруг неё начала ломать тела.

Война превращалась в бурю, где свет, тьма, металл и кровь смешивались в одно.

Это было столкновение миров.

Столкновение будущего и прошлого.

Столкновение судьбы.

Обожжённая вулканическая земля дрожала под шагами миллионов.

И в этот момент, когда демоны и ангелы уже хлынули из пылающего портала, на поле боя поднялся гул двигателей.

Первые залпы техники

Позади союзных армий загорелись сотни огней.

Тяжёлые танки Му выехали вперёд, их стальные корпуса сияли раскалённым багрянцем. От них били энергетические орудия, каждое попадание которых разрывало целые ряды низших демонов.

Хитиновый рой открыл живой огонь — биопушки выплёвывали кислоты и плазменные сгустки, обжигая ангельские легионы.

С золотой армии развернулись ходячие мехи, шагающие по лаве без заминки. Их плечевые турели стреляли очередями света, каждый выстрел — миниатюрный солнечный луч который порожал демонов титанов.

Но портал ответил собственной мощью.

Сначала вышли демоны. Но вслед за ними появились адские машины — механизмы, выкованные из чёрного металла и живой плоти.

— Кибердемоны на четырёх лапах, чьи пасти извергали микроскопические ракеты;

— Демонические «штурмовые рыбы» — летающие аппараты, похожие на костяные мантии, выпускающие сгустки тёмной энергии;

— Огромные «жнецы» — паукообразные машины, из чьих брюх вырывался адский огонь.

И огромные Танки Империя.

И всё это — под командованием архидемонов.

Баал шёл среди техники, и его пламя подпитывало машины.

Мефисто управлял ими, как куклами, через тёмную сеть.

Ксасеопея сгибала металл одним взглядом.

В небе взорвалось солнце — это авиация Золотой Империи и Му ринулась в атаку.

•

Быстрые штурмовики Му на голубых двигателях неслись по кругам, выпуская энергетические торнадо.

•

Легкие и тяжёлые дроны Золотого Короля образовали воздушную сетку, перехватывая адские снаряды и сбивая штурмовые демоно-аппараты.

•

Огромные дирижабли Аравии, окутанные защитной барьерной магией, обстреливали врага сверху песочными бомбами.

Круэла подняла красного дракона выше облаков, где сражались только машины и крылатые твари. Его пламя сбивало ангельские «копья света» — вертикальные ударные аппараты, которые падали, как огненные метеоры.

Над порталом поднялась ангельская авиация — бело-огненные корабли с крыльями света. Они выпускали десятки лучей, прожигая в союзных флотах дыры.

И за ними следовали адские летуны — демоны, сросшиеся с металлическими крыльями, разрывая небо ревом и вихрем.

Воздух превратился в хаос света, огня и металла.

Бой на земле усиливается

Когда авиация столкнулась, на земле разверзся ад.

Люсилия, окружённая туманом проклятой магии, направляла своих готических рыцарей, в то время как Великаны Урдугана вступили в рукопашный бой с адскими титаническими машинами.

Один готический рыцарь прыгнул на механического демона, вонзив клинок в его ядро; тот взорвался, осыпая всё вокруг искрами.

Мун в своих крылатых доспехах бросилась вниз, врезаясь в строй ангелов. Её копьё оставляло за собой светящиеся голубые шрамы на земле.

Воины Аравии, покрытые песком, создавали песчаные щиты, которые блокировали ангельские лучи.

Робот Селарии зафиксировался на четырёх опорах, и его грудная пушка запульсировала — огромный луч за секунду прорезал целый отряд демонических пауков.

Золотые солдаты окружили «жнеца», и слаженной серией ударов разорвали его изнутри.

Но когда казалось, что союзники начинают давить, на поле боя снова вышли тёмные рыцари.

Их чёрные адские кони давили танки, как игрушки.
Их клинки прорубали даже магические барьеры.
Они уничтожали всё, что попадалось на пути.

Один рыцарь ударил так, что мех Золотого Короля полетел на куски.

Женщина-рыцарь, подняв чёрный меч, поманила Мун жестом — вызов.
Её голос был глухим, как подземное эхо:

— Ты — первая.

И Мун ринулась в бой.

Портал стал расширяться.
Огненные трещины побежали по земле.
Архидемоны двинулись вперёд.

Битва входила в самую страшную фазу.

Лидеры вступили в бой

Пламя портала ослепляло, воздух дрожал от крика демонов и рёва машин.
И среди хаоса — лидеры сделали шаг навстречу своим судьбам.

Чёрный доспех Клейи блестел, отражая огонь. Она подняла косу — чёрное лезвие, собранное из тени.

Прямо перед ней приземлился Баал, и земля разошлась трещинами.

Его глаза — три огненных солнца — уставились на неё.

— Маленькое существо... ты смеешь бросить вызов Архипламени? — прогремел он.

Клейя шагнула, крутанула косу — располовинив позади .

— Я давно перестала бояться монстров.

А теперь пришло время убить одного, — сказала она холодно.

Баал ударил кулаком — вырвался столб лавы.

Клейя перепрыгнула, её коса сверкнула тёмным полумесяцем.

Пламя и тень столкнулись, взорвав воздух.

Чёрная всадница подняла меч и направила коня вперёд.

Её тёмная броня гудела, будто в ней сидело проклятье.

Мун опустилась с неба, оставляя голубой след. Её крылатые доспехи светились силой .

— Ты — наследница света... — прошептала рыцарка. — Я — его могила.

Они сомкнулись с такой силой, что воздух завыл.

Женщина-рыцарь рубила тяжёлым чёрным клинком; каждый удар был как удар колокола в глубине подземелья.

Мун отвечала быстрыми движениями, вспышками энергии, отбивающими тьму.

Их мечи, свет и мрак, сталкивались снова и снова, как два мира, которые отказывались исчезнуть.

Красный дракон ринулся вверх, обгоняя столбы дыма.

Круэла сидела в седле, держа в руке огнестрел .

Навстречу спикировала Кастеэлия — огненная ангел-генерал, её крылья были как пламенные серпы.

— Круэла из Ридии... — произнесла ангел. — Ты выбрала неверную сторону.

Круэла улыбнулась в зубастом, дерзком стиле:

— А я и не выбираю стороны. Я выбираю, кого убивать первой.

Дракон изрыгнул огонь.

Кастеэлия отбила его крылом — огонь рассыпался искрами.

Ангел ударила мечом в грудь дракона — чешуя вспыхнула белым светом.

Круэла вскочила, прыгнула со седла прямо на ангела, вонзая тесак в её крыло.

Две фигуры, одна — пламя, другая — дым и ярость, закувыркались в воздухе.

Золотой Король шагал, будто сама судьба. Его доспехи сияли, а тело внутри было смесью божественной энергии и технологии.

Мефисто выскользнул перед ним, как тень, как шёпот.

— Ты — не живой... и не мёртвый, — шептал он. — Ты пустой сосуд.

Золотой Король вскинул руку.

Сотни золотых частиц окружили его, превращаясь в клинки света.

— Пустота во мне — мой выбор.

А вот ты — лишь набитое страхом ничто.

Мефисто рассмеялся, посох треснул, и из него вырвались души погибших, образуя вихрь теней.

Золотой Король шагнул вперёд.

И его золотой свет разорвал тьму, как день — ночь.

Ксасеопея парила над землёй, её дымные волосы стелились, как туман.

Гравитация вокруг искажалась — камни начинали плавиться, металлы изгибались.

Руби, Паладин Урдугана, держала мечь, раскалённый добела.

— Ты тяжела...

— А я крепка, — ответила Руби.

Ксасеопея подняла руку, и гравитация на мгновение сжала Руби вниз.

Но Руби зарычала, напряглась и прорвала поле одной вспышкой.

Мечь, пылая, ударил по барьеру Ксасеопеи — пространство дрогнуло.

Тёмная архидемоница ответила ударом гравитационной волны.

Вся равнина под ними треснула, как стекло.

Три рыцаря, братья Авалона, рвались через строй союзников.

•

Воины Готики пытались остановить первого — он разрубил их огромным топором.

•

Армия Му окружила второго — он словно растворялся в тенях и появлялся за их спинами.

•

Хитиновый рой прыгнул на третьего — и был расплён чёрным ядом.

Селария направила робота.

Лиара бросила песчаный смерч.
Урдуганские великаны сомкнули щиты.

Всадники остановились лишь на миг — затем прорвались дальше.

Каждый удар их копыт сотрясал мир.

Битва достигала точки кипения.
Мир балансировал между жизнью и гибелью.

Баал развернулся, когда Клейя шагнула сквозь клубящийся чёрный пепел.
Его рост заслонял половину горизонта — черепастое лицо, два скрученных роговых гребня, тело, похожее на слияние из лавы и мускулов.
Его дыхание — это пламя, его тень — это смерть.

Клейя лишь крепче сжала косу.

— Маленькая перебежчица... — прорычал Баал. — Ты бросила свой мир.

— Я его спасла, — тихо ответила она.

Почва под их ногами взорвалась.

Баал метнулся вперёд быстрее, чем могло позволить его огромное тело.
Он поднял когтистую лапу — поток плазмы рванул в Клейю, превращая воздух в белый огонь.

Клейя отмотала время назад — всего на долю секунды — и поток снова вернулся в руку Баала, словно и не был выпущен.

Он взревел от злости.

Клейя использовала момент:
Прыгнула вверх, оставив позади тень, похожую на след от ножа, и попыталась ударить косой по боковой части шеи демона.

Баал поймал её за ногу.

Он швырнул её о каменную плиту — трещины пробежали по земле.
Несколько рёбер Клейи смялись, но уже через секунду хруст начал сопровождать регенерацию, и она поднялась, вновь целая.

Баал взревел, испуская волну демонической скорости.
Теперь он двигался рвано, как вспышки молний.

Он пробил Клейе грудь когтями — она отшатнулась, кровь хлынула, но рана затянулась, как будто её и не было.

Демон ударил хвостом — сокрушительный удар по голове.

Клейя снова отмотала момент назад, хвост прошёл мимо, и она оказалась у него почти под подбородком.

Клейя знала: единственный способ убить Баала — прервать его вечное пламя в глотке.

Она сделала ставку.

Баал раскрыл пасть, формируя огненный шар размером с башню.

Клейя... замедлила собственное восприятие.

Видя мир в вязком, почти неподвижном времени, она бросилась вперёд, прыгнула под самый луч пламени, коса описала круг...

И вошла Баалу прямо в глотку, клинок прорезал его огненное нутро.

Демон захрипел — впервые с начала битвы.

Клейя упёрлась ногами ему в грудь и, используя всю силу, рывком перепрыгнула ему за спину, одновременно сорвав косу насквозь, разрывая гортань и магический очаг пламени.

Баал вскрикнул так, что дрогнуло небо.

Его тело пошло трещинами, огонь изнутри стал угасать.

Он упал на колени.

Пепел повалил из разорванной глотки.

Клейя стояла позади него, держа косу, когда гигант рухнул лицом в вулканическую землю.

Баал был мёртв.

Над полем боя, окутанным дымом и пеплом, в воздух поднялись две фигуры — Мун в крылатых доспехах, сияющая серебристыми пластинами, и Дева-Рыцарь, одна из падших душ Авалона, закованная в чёрный адский латник, словно вылепленный из ночи.

Её конь — гигантское звероподобное чудовище с рогами, от которых исходило холодное багровое свечение.

Их взгляды пересеклись.

Мун первой взлетела.

Дева вскинула своё двуручное пепельное копье.

С неба слетела чёрная тишина — волна, подавляющая звук, дыхание, магию.

Мун почувствовала, как её крылья тяжелеют, а воздух вокруг сжимается, словно пытаясь её раздавить.

Чёрная копейная вспышка сорвалась вперёд.

Мун едва успела уйти в бок — копьё прошло там, где секунду назад была её грудь, оставив за собой борозду в скале глубиной в человеческий рост.

Мун бросила в Деву концентрированный лунный разряд — резкий, почти белый клинок энергии.

Дева-рыцарь подняла щит из адского металла. Разряд ударил... и расколол щит пополам.

Дева впервые качнулась в воздухе.

— Свет... — прорычала она. — Я забыла, как он жжёт.

Они столкнулись.

Гром прогремел, когда меч Мун встретился с копьём Девы.

Каждый удар был как удар молота по металлу.

Воздух рвался.

Свет и тьма смешивались в спираль.

Дева наносила широкие, варварские, но невероятно мощные удары.

Мун — быстрые, точные, как хореография.

Мун получила удар по ребрам — хруст, кровь.

Но она сумела ответить, разрезав лезвием плечо противницы.

Обе дышали тяжело.

Дева-рыцарь резко отступила назад, подняла копьё в небо, и по её броне побежали багровые руны.

— Я отдам ему свою душу... Я отдам всё! — она вскричала.

С неба упал столб демонического пламени, который слился с её телом.

Она превратилась в чудовищную тень, копьё удлинилось, крылья распахнулись вдвое.

Она рванула на Мун — такой скорости Мун ещё не видела.

Мун поняла: если она не остановит эту атаку сейчас, она погибнет.

Она положила обе руки на рукоять меча.

Все пластины её доспеха вспыхнули серебром.

Крылья покрылись белыми прожилками, словно в них влили лунное пламя.

Она не отступила.

Она пошла навстречу атаке.

И выпустила всё, что в ней было — чистый, безупречный, почти божественный свет.

Дева-рыцарь застыла на миг.
Её пламя дрогнуло.
Треснуло.

Потом она разлетелась на осколки чёрного света, как разбитое стекло, и исчезла в вихре пепла.

Мун упала на одно колено, тяжело дыша.
Кровь капала на горячий камень.

Клейя наблюдавшая, подняла голову и тихо сказала:

— Авалон... почил. И ты, сестра по оружию, тоже нашла покой.

Мун победила.
Но победа не была легкой — она забрала часть её света.

Красный дракон Круэллы рухнул, пробитый огненным копьем ангела.
Огромное тело зверя падало, как раскалённый метеор, и Круэлла, вырванная из седла взрывом, кувыркалась в воздухе.

Навстречу ей падала Кастеэлия — её крылья горели, как два раскрывшихся солнца.
Ангел удерживала равновесие в воздухе, а Круэлла — нет.

Круэлла визжала:

— АААААА! Я ещё не закончила веселуху!!!

Кастеэлия ударила ногой в грудь Круэлле в воздухе.
Удар был как удар тарана — сломал поток падения и отбросил Круэллу в сторону.

Она выкашляла кровь, развернулась, выстрелила в воздух из пистолета.
Пуля прошла рядом с ангелом.

Кастеэлия переместилась рывком сквозь огонь и уже была у неё.

Они падали, как две кометы.

Кастеэлия схватила Круэллу за лицо, прижала её к себе и рявкнула:

— Ты не достойна неба.

Круэлла захохотала как безумная.

— А я и не хочу наверх! Мне и внизу неплохо!

Она ударила ангела по голове рукояткой тесака.
Кастеэлия даже не пошатнулась.

В ответ она сверху вцепилась локтем Круэлле в грудь — воздух вышибло, рёбра хрустнули.

Но Круэлла поймала момент — достала маленькую гранату, зажала между зубами, выдернула кольцо...

И засунула гранату прямо в горящий нагрудник ангела.

— Держи подарок, сладкая!

Взрыв ослепил небо.

Огненные перья разлетелись.

На земле — огонь и хаос

Обе рухнули на вулканическую равнину.

Кастеэлия встала первой — на колени, затем поднялась полностью.
Её доспех треснул, но крылья горели ещё сильнее.

— Ты дерзкая, смертная, — произнесла она. — Но это не спасёт тебя.

Круэлла поднялась, шатаясь, вытерла кровь с губ.
Подняла свои два тесака, дёрнула плечом, как будто готова к танцу.

— О-о-о, поверь... я ещё не показывала лучшую часть шоу.

Кастеэлия выставила копьё, вокруг него закружились круги огня.

— Приготовься.

Круэлла подмигнула:

— Гореть так гореть!

Кастеэлия ударила вперёд, смазав воздух пламенем.
Круэлла едва ушла в сторону, но ангел была слишком быстра.

Удар ногой — Круэлла летит в валун.

Удар копьём — Круэлла выгибается, копьё проходит рядом с шеей.

Пламенный рывок — Круэлла бросает в лицо ангелу две шуточные бомбочки, что взрываются цветами и дымом.

Кастеэлия отмахнулась, но этого было достаточно.

Круэлла поднырнула под копьё, обняла ангела за шею и рявкнула:

— А я думала, ты хочешь по-хорошему!

Она воткнула один тесак в бок ангела.
Кастеэлия закричала — впервые.

Но затем схватила Круэллу за горло.

— Человеческая дрянь.

Она поднимает Круэллу над землёй.

Тесак выскальзывает из раны.
Круэлла бьёт ангела коленом, кулаком, ногой — бесполезно.

Кастеэлия собирается сломать ей шею.

Круэлла ухмыляется сквозь удушье.

— Хочешь знать секрет?

В моей рукаве прячется мини-ракетка— маленькая, но злая.

Круэлла нажимает кнопку.

Ракета выстреливает ей из рукава прямо в грудь ангела — в ту же треснувшую часть доспеха.

Взрыв, как пылающая вспышка.

Кастеэлия отлетает, падает на одно колено, крылья погасли наполовину.

Круэлла падает на землю, отползает назад, кашляет кровью.

Ангел поднимает голову — гордая, но раненная.

Круэлла стоит шатко, поднимая оба тесака:

— Раунд два? Или ты уже наелась?

Круэлла поднялась, шатаясь, но с огнённой ухмылкой:

— Ну что, сладкая? Давай закончим шоу!

Кастеэлия медленно поднялась на колено, крылья полусожжённые, доспех падают. Её взгляд — ледяной, полон ярости.

— Ты слишком дерзкая... но я всё ещё сильнее.

Ангел бросилась вперёд, держа копьё, которое светилось как сжимающее солнце.

Круэлла смеялась, хаотично уворачиваясь:
она прыгала, скользила, уклонялась и стреляла из огнестрела, врезая в трещины доспеха ангела.

— Слишком прямолинейно! — визжала она. — Позволь мне добавить немного... взрывов!

Круэлла достала несколько мини-гранат и кинула прямо под копьё. Огненные вспышки и дымовые завесы скрыли её движение.

Ангел закричала от раздражения и боли, но попыталась нанести мощный удар.

— Сейчас или никогда! — подумала Круэлла.

Она прыгнула вверх, крутанула тесак и засунула его в бок ангела, выхватывая вспышку боли.

Кастеэлия застонала, согнулась, и Круэлла использовала хаотичный финт — взмах ногой, разворот в воздухе — и с силой ударила ангела об землю.

Пыль и огонь поднялись вокруг.

Кастеэлия лежала, едва дыша, крылья полусожжённые, но глаза всё ещё горели яростью. Круэлла, хаотично смеясь и кашляя, поднялась на ноги, оба тесака в руках:

— Ну что... я сказала, что шоу продолжается до конца. И вот, финал!

Она воткнула два тесака в горло ангела и резким движением срезала с плеч.

Поле битвы трещало от взрывов, грохота машин и огня.

Золотой Король, сияющий золотом и мощью, шагал вперёд. Его глаза светились как солнце, тело излучало энергию, способную сжечь целую армию.

Мефисто, худой и гибкий, с посохом из человеческих позвоночников, скользил по полю, словно тень, шепча проклятия.

— Ты слишком прямолинейен, — проскользнул его голос, — чтобы противостоять мне.

— А ты слишком высокомерен, — ответил Золотой Король, — чтобы понять цену своего конца.

Мефисто метнул вихрь теней — они раскололи землю и огненные потоки, пытаясь сжать Золотого Короля.

Но тот развернулся, и из его доспехов вырвалась волна золотого света, разорвав вихрь на куски.

— Ты сильнее, чем я думал... — усмехнулся Мефисто, уклоняясь.

Он соскользнул к Золотому Королю и метнул посох, который разорвал воздух как гигантский клинок.

Золотой Король отбил его кулаком, выпуская золотые лезвия энергии. Они ударили по Мефисто, но он исчез в облаке теней и появился за спиной.

Мефисто использовал иллюзии, посылая целые армии теней на Золотого Короля. Но каждый удар Короля рассекал иллюзии и даже отбрасывал реальные силы Мефисто.

— Ха-ха! — смеялся Мефисто, — ты будешь ломаться, как все остальные!

Золотой Король поднял руки: вокруг него загорелись золотые клинки, как миниатюрные солнца. Они вращались вокруг него, отражая атаки и постепенно срезая иллюзии Мефисто.

Мефисто сделал рискованный манёвр: он создал гигантскую иллюзию самого себя — четыре посоха, шесть тёмных рук, вихрь огня и тьмы.

Он ринулся, как ураган, чтобы разорвать Золотого Короля.

Король стоял спокойно. Его глаза вспыхнули ярче солнца.

— Достаточно, — произнёс он, — пришло время закончить игру.

Он выпустил все свои золотые клинки в одну концентрированную волну, каждый из которых одновременно резал материю, магию и тьму.

Мефисто попытался увернуться, но иллюзии рухнули.

Посох треснул, как дерево под молотом.

Он взвыл, но золотой луч сковал его.

Сильнейший удар — и Мефисто разрушился на куски тёмной энергии, сливаясь с пеплом и тенями. вокруг остались выжженные кратеры, энергетические разломы и остатки его тёмных иллюзий.

Поле битвы трещало от ударов белого дракона, огня и машин.

Воздух был горячий, пахло серой, кровью и раскалённым металлом.

Руби поднялась в воздух, она сияла золотым светом, а её паладинский меч выпустил ось света, рассекающий пепел и дым.

Ксасеопея стояла на земле, тени вокруг неё сгущались, искажая пространство.

Гравитация локально сжимала всё вокруг, и каждый шаг Руби давался с трудом.

— Ты свет, а я — разрушение! — проревела Ксасеопея.

— А я покажу тебе цену света! — ответила Руби, бросаясь в атаку.

Ксасеопея метнулась к Руби, её когти испарывали воздух и землю, с силой, которая могла раздавить броню танка.

Руби парировала световыми клинками, каждый удар вспыхивал, как молния, разрезая воздух, и на мгновение прожигая плоть демона.

— Ха! — захохотала Ксасеопея, отбрасывая клочья земли и внутренностей, которые сорвало с адских солдат поблизости, — слишком наивна, девочка!

Она схватила Руби за ногу, с силой ударила о землю.

Руби отскочила, но следом выпустила световую вспышку, которая прожгла грудь Ксасеопеи, выбросив её кровь и кишки наружу.

Ксасеопея взвизгнула, но регенерация демонессы сработала мгновенно — куски слились обратно в тело, а она снова прыгнула на Руби.

Руби взмыла вверх, оставляя после себя сверкающий след света.

Ксасеопея подпрыгнула с земли, её гравитация притянула Руби вниз, заставляя удариться о раскалённые осколки вулканической скалы.

Руби чуть не потеряла сознание, но взмахом света расколола землю под собой, поднявшись снова.

Её меч светился каждый раз новый слой энергии, когда она резала магию гравитации.

Ксасеопея использовала когти и хвост, разрывая плоть Руби — кровь брызгала, выжигала камни и металл, но каждая рана Руби зажигалась светом, мгновенно сливаясь с её силой паладина.

— Ты не остановишь меня! — завывала демонесса.

— Тогда я просто сожгу тебя! — ответила Руби, активируя вспышку света на полное поле, которая прожгла тьму вокруг.

Ксасеопея рванула вниз, разрывая спины и внутренности случайных демонов рядом.

Руби поднялась выше, её свет ослепил и обездвижил Ксасеопею на мгновение.

И вот, момент:

Руби нырнула вниз, со всей силой разрезая мечом, зацепила позвоночник Ксасеопеи — хруст, разрыв мышц, кровь фонтаном.

Ксасеопея кричала, изрыгая внутренности и чёрную кровь. Но её сила позволила сделать последнюю попытку: она схватила Руби когтями за плечо, чтобы втянуть в падение, пытаясь раздавить паладина об землю.

Руби вспышкой света буквально разорвала когти и тень, подскочила вверх и с силой прошила глотку Ксасеопеи мечом.

Тьма, кровь и кишки разлетелись вокруг.

Гравитация рассыпалась, земля дрожала, пепел и искры взметнулись вверх.

Руби стояла среди разрушений, вокруг кишки и тела демонов, её свет едва мерцает после этого кошмарного боя, но она победила.

Легионы врагов прибывали бесконечной волной.

Всадники Авалона, тёмные рыцари, рассекали союзные армии словно ножи сквозь ткань — броня грохотала, солдаты падали, танки и мехи были разорваны когтями титанических демонов и мечами.

Кровь смешивалась с лавой, пепел кружился в воздухе, и казалось, что надежды нет.

Но вдруг... небо заорало.

Огненный рев раздался над полем, и каждый глаз поднялся к небу.

Вулканический дым и огненные облака начали смещаться, свет прорезал мрак, и небо, будто само решившее вмешаться, начало обретать привычный, знакомый цвет — тускло-серый с оттенком золота, характерный для этих вулканических мест.

В этот момент из небесного дыма ударила гигантская огненная комета.

Она разрезала небо ярким следом, раскалённая и непреодолимая.

При падении она врезалась в землю, и взрыв обрушил на поле битвы огненную лавину, которая стерла всех адских всадников Авалона.

Когти, тёмные конные тела, копья — всё было испепелено в мгновение.

Пыль, огонь и взрывной ветер смели с поля последних выживших врагов, а звук падения был как раскат небесного гнева.

Когда пыль начала рассеиваться, на поле боя стояла Батори.

Её рыжие волосы развевались на ветру, а ярко-голубые глаза сияли, отражая остатки огня и дыма.

Она сделала шаг вперёд, ноги опирались на обожжённую землю, вокруг которой лежали остатки адских армий.

В её взгляде читалась не просто победа, а триумф.

Она не только пережила хаос, но и осталась тем светом, вокруг которого теперь могла собраться сила союзников.

В начале битвы Титанида протянула руку к Батори.

Её полу-божественная сила вспыхнула серебряным светом, и пространство вокруг завибрировало.

Волны энергии закрутили воздух, воздух будто загустел, и Батори почувствовала, как каждая частица мира растворяется вокруг.

— Держись, Батори. Без тебя мы проиграем, — сказала Титанида, сжимая её плечо.

В мгновение ока, словно разорвав ткань реальности, Батори оказалась в Плани Небытия.

Перед ней стояла пламенная, рогатая фигура, настолько огромная, что её свет казался солнцем, а тени, падающие от рогов, растягивались на бесконечность.

Каждый шаг Бога отдавался в Плани, как раскат вселенной, и воздух вокруг трещал от чистого света и энергии, который не принадлежал ни одному миру.

Батори замерла. На мгновение её колени предательски подогнулись — желание пасть ниц перед этим могуществом было почти непреодолимо.

Но она сбросила иллюзии, которые накрыли её разум.

Все страхи, сомнения и призрачные картины поражения — исчезли.

— Я пришла не для того, чтобы пасть. Я пришла, чтобы победить! — мысленно твердо сказала Батори, и её глаза вспыхнули ярче любого света вокруг.

Батори почувствовала поток энергии, исходящей от Бога — не просто свет, а само существование, концентрированное в рогах .

Он смотрел на неё, и каждый взгляд был словно всепоглощающее давление на душу, способное сломать волю.

Но в сердце Батори загорелся пламень:

— Она не будет лишь пешкой в этой битве. — Именно здесь, в Плана Небытия, начинается битва воли и силы, где Батори должна использовать всю свою магию, телепортацию, силу духа и навыки, чтобы сразиться с божественным существом.

Батори стояла на пустой, всепоглощающей плоскости, где не существовало ни горизонта, ни времени, ни привычной материи.

Перед ней пламенная рогатая фигура Бога: свет такой яркости, что глаза могли обжечь разум.

Каждое движение Его рук искривляло пространство — разрывы вселенных, искривления времени, энергетические вихри, которые ломали законы физики.

— Ты думаешь, что сможешь противостоять... — голос Бога резонировал сразу в мозгу и костях, а не как звук. — Здесь нет правил, которые ты знаешь.

Батори ощутила давление реальности, пытающееся сломать её существование. Но она была мета, и судьба улыбнулась ей.

Батори подняла руки — огонь и тьма Люцифера вспыхнули, сливаясь в завихряющийся смерч.

Этот огонь не просто горел, он разрывал ткань существования, пытаясь затронуть Бога.

Но Бог, коснувшись пространства, поглотил свет и тьму, превратив их в искривление законов, которое не могло существовать даже в абстрактных измерениях.

Батори вздрогнула, но её сила мета-судьбы позволила устоять. Каждый удар Бога — потенциальная смерть.

Она телепортировалась, вспыхивая, оставляя после себя следы, которые казались рвом в реальности.

Батори создавала локальные вспышки огня и тьмы, что искажали пространство и разрывали элементы вселенной вокруг.

Бог же, в ответ, манипулировал всеми видами физики и измерений, искривляя пространство так, что свет двигался обратно, время растягивалось и сжималось, а сама материя распалась и возникала заново.

Каждый их удар создавал новые законы на долю секунды, которые рушились сами по себе.

Батори телепортировалась прямо сквозь рог Бога, оставляя за собой череду огненных взрывов, но он сдвинул пространство — и каждый её удар проходил сквозь “пустоту”, не нанося ощутимого урона.

Но мета-судьба работала на неё: каждый раз, когда смерть казалась неизбежной, она находила лазейку через невозможное, через правила, которых никто не мог предвидеть.

Огненные и тёмные взрывы Батори разрывали ткань измерений.

Бог создавал невозможные ловушки, искажая пространство, время, энергию и саму материю.

Каждое движение — мгновение вселенной, где законы рушились и возникали заново.

Сила Бога была абсолютной, но мета-судьба Батори позволяла ей вклиниться в исключение, нанести неожиданный удар там, где любой другой проиграл бы мгновенно.

Батори не могла победить Бога обычным способом. Её шансы — создать уязвимость через нестабильность, используя собственный хаос, огонь и тьму, и выжить, чтобы оставить след в этом мире и продолжить бой.

Батори стояла на краю разорванной ткани — пустота, где законы реальности были лишь слабой тенью, окружала её.

Бог, осознав, что Батори мета, исчез в немыслимое пространство — область, где не действовали никакие законы, ни магия, ни физика, ни разум.

Он думал:

— Здесь она меня не достанет... Здесь её сила бесполезна.

Но Батори не была обычной смертной. Она — огонь и тьма Люцифера, паладин мета-судьбы, вершительница событий, которые никто не мог предугадать.

Она собрала всю свою силу:

пламя, способное прожечь измерения, тьму, которая ломала ткань существования, мета-судьбу, что давала ей абсолютное право действовать даже там, где сама реальность не действовала.

Батори выпустила огненную стрелу, которая не только пронзила пространство, но и мысль Бога, и немыслимое, что он создал вокруг себя, не спасло его.

Стрела прошла сквозь:

*законы физики,

* пространство и антипространство, * магию, разум и само бытие.

Бог закричал, но звук его вопля не существовал в привычной вселенной — он рвался через немыслимое, ломая своё собственное существование.

Свет и тьма, огонь и мета-судьба слились в единую вспышку, которая уничтожила Его полностью.

Его рога пламенные, свет — всё разлетелось на осколки небытия.

И даже после уничтожения, следы Его энергии медленно рассеивались, словно эхо вселенской катастрофы.

Батори стояла в центре пустоты, её глаза сияли ярче любого света.

Она не только победила Бога, но переписала правила существования, показав, что сила мета-судьбы и личная воля могут превзойти даже абсолютное могущество.

После уничтожения Бога, пространство вокруг Батори начало коллапсировать и распадаться.

Небытие, в котором только что существовала сама сущность абсолютной силы, оказалось нестабильным, как жидкий свет и тьма, смешанные в одну субстанцию.

Батори стояла на краю этой вселенской пустоты. Все законы физики, магии и времени не действовали, и ничто не могло удержать её в привычной форме.

Она закрыла глаза, сосредоточилась и почувствовала, как огонь и тьма Люцифера сливаются с её сущностью, с силой мета-судьбы, она начала падать.

— Я вернусь туда, где нужна... — прошептала она, и её тело начало разрываться светом и пламенем, превращаясь в концентрированную точку энергии.

Её тело вспыхнуло ярким пламенем, которое прожигало саму ткань Небытия.

Огонь и тьма слились, закручиваясь в столб невообразимой энергии, который излучал свет, сжигающий пространство вокруг.

Батори почувствовала, как её форма сжимается в огненную комету, оставляя за собой следы разрыва измерений.

Она не просто падала — она мчалась сквозь невозможность, через пустоту, где не существовало ни материи, ни сознания, ни самой вселенной.

Каждое мгновение пути было вечностью.

Небытие пыталось поглотить её, разорвать на атомы и стереть из существования, но мета-судьба защищала её, и огонь с тьмой образовали оболочку, которая разрешила немислимое пространство, как нож сквозь ткань.

След её кометы искривлял пространство, разрывая измерения, создавая вспышки, которые нельзя было увидеть, а только почувствовать в сердце и разуме.

С каждым мгновением комета приближалась к миру Нордии.

Огонь и тьма загорелись ярче, чем солнце, и в момент вхождения в атмосферу реальности она взорвалась сияющей энергией, сжигая оставшиеся остатки хаоса и демонов.

Поля битвы вспыхнули светом, земля содрогнулась, а союзные армии подняли глаза.

И там, среди света и дыма, Батори появилась снова, величественная, сияющая огнём и тьмой, как сама живая комета, готовая завершить битву и освободить Толемак.

Врата, из которых вышли легионы демонов и ангелов, начали медленно рассеиваться и закрываться.

Толпы врагов пытались бежать обратно, но их страх уже превратился в хаос, и ни один демон или ангел не мог сохранить строй.

Батори подняла руки. Её глаза сияли ярче любого пламени, а энергия огня и тьмы Люцифера слилась с её мета-судьбой.

— Хватит убежать!— произнесла она мысленно, и взмахнула волной. Все орды, пытавшиеся спастись, были мгновенно поглощены пламенем, которое не щадило никого.

Огонь не просто сжигал, он очищал и уничтожал, растворяя зло, оставляя за собой лишь свет и пепел.

Когда последний демон и ангел исчезли, поле битвы затихло.

И там, среди дыма, огня и обожжённой земли, Батори стояла на краю вулканического поля, её фигура сияла, как живой маяк света.

Вокруг неё появились союзники:

*

Клейя в своём черном доспехе, коса готова, но теперь спокойная,

*

Титанида, уверенная и величественная, её сила сияла,

*

Круэлла, чуть чумная, но полная энергии после победного боя,

*

Мун, Руби, Золотой Король, и остальные лидеры, которые сражались плечом к плечу.

Все они собрали силы, чтобы быть рядом с Батори — с её победой пришла уверенность и сила.

Поле было разрушено, земля обожжена, небо чисто от дыма, но энергия победы наполнила всё вокруг.

Батори опустила руки, и пламя вокруг постепенно утихло, оставляя лишь сияющий след её величия и силы.

С этого момента союзники поняли: битва выиграна, Толемак спасён, и их лидеры — едины под флагом Победы.

После великой победы и разрушительных битв, мир наконец начал восстанавливаться.

Батори и Клейя отправились наводить порядок в Белоридии, восстанавливая города и защищая жителей от остаточных угроз.

Ридия стала охраняться белым драконом, который вывел новое потомство, символизируя новую эру защиты и процветания.

Круэлла взяла на себя роль охотницы, патрулируя Ридию и преследуя оставшихся преступников и мародёров.

Уильхельм и Ридия заключили пакт мира, и Ридия активно участвовала в восстановлении разрушенных земель.

Аравия решила оставаться нейтральной, наблюдая за процессом сдержанно.

Готика закрылась от мира, сохранив свои технологии и независимость, не желая вмешиваться в дела соседей.

Титанида вернулась в Урдуган, который был восстановлен при помощи соседних стран.

Но даже восстановленный Урдуган оставался опасным: все знали, что когда Титанида окрепнет, она может снова попытаться подчинить соседей.

Хитин и Золотая Империя вновь начали соперничать, хотя конфликты оставались в рамках дипломатии и экономической борьбы, не перерастая в войны.

Золотая Империя и Му передали энергию Толемаку и Урдугану, помогая восстановить города, магические системы и инфраструктуру.

Му также полностью восстановилась, укрепив свои позиции на континенте.

С помощью всех стран континента Нового Света Толемак был восстановлен.

Была избрана новая династия и новый король, символизирующие возрождение и мир.

Расы, долгое время скрывавшиеся под землёй, смогли выйти на поверхность, открыв новую страницу истории.

Мир прошёл через хаос, войну и разрушение, но теперь он устремлялся к новому свету, новым возможностям и новой надежде.

Города восстанавливались, народы объединялись, а герои, оставшиеся после войны, продолжали охранять мир и поддерживать порядок.

И хотя тени прошлого ещё иногда шептали в уголках мира, будущее было за теми, кто осмелился сражаться за него и выжить.

К Году 3 280, Месяцу Метели, восстановление завершилось полностью. Мир больше не был сломленным — он был готов к новым свершениям и будущим легендам, оставляя следы великих битв и героев прошлого.

Арка II : Страх

Глава 6

• Год 3275, месяц Вьюги.

Остров Тсеу в этот день сиял огнями. Между белыми башнями эльфийского квартала и резными деревянными домами людей тянулись гирлянды, переливаясь в такт песне. Эльфы и люди плечом к плечу водили хороводы, вспоминали подвиги Арана Велиса — героя, который когда-то спас эти земли от пылающей бури.

Смех, музыка, запах сладкого вина — всё смешивалось в единую праздничную волну. Никто не хотел думать о войнах и древних пророчествах; две ослепительные звездысолнца Сколь и Хати плавно уходили за край океана, окрашивая мир в меднозолотые тона.

И именно в этот миг тени на горизонте дрогнули.

Сначала никто ничего не заметил. Но потом один из мальчишек, стоявший на каменной ограде гавани, захлопал глазами и крикнул:

— Смотрите! Там кто-то идёт!

Гул праздника стал стихать. На фоне огненного заката медленно выростала огромная фигура. Три метра ростом, широкие плечи, силуэт, будто вырезанный из самой ночи. Люди переглянулись — и в глазах многих вспыхнула надежда.

— Это он... — прошептала старушка. — Вечный Герой... Аран Велис вернулся к нам!

Радость пронеслась по площади, словно летний ветер. Дети запрыгали, эльфы улыбнулись, в толпе раздались приветственные крики.

И маленькая девочка — Лиара, та самая, что больше всех любила истории о герое, — сорвалась с места. Платице развевалось в воздухе, золотистый свет свечей обегал её юное лицо.

— Аран! Ты пришёл! — радостно закричала она, выбегая к приближающейся фигуре.

Но чем ближе она подходила... тем сильнее менялось выражение лиц вокруг. Эльфы смолкли первыми — их зрение было тоньше человеческого. Лицо старого менестреля побледнело. Один из стражников судорожно схватился за рукоять меча.

Потому что с приближением становилось видно:
Лицо фигуры не сияло светом, как в легендах.
Глаза не хранили теплоты героя.

И шаги... шаги были слишком тяжёлыми, слишком гулкими, слишком чужими.

А Лиара всё бежала.
И тень над ней становилась всё больше.

Фигура, что приблизилась, выглядит так, будто вышла из древней легенды — но не из тех, что рассказывают у костра с улыбкой. Это не герой-спаситель, а грозный воин, созданный для битв, где сама земля трещит под ударами.

Перед людьми острова Тсеу стоял высокий — более трёх метров — рыцарь, полностью закованный в массивные, почти монолитные доспехи цвета зимнего металла.

Броня украшена острыми, словно ледяные шипы, выступами — ни одной округлой линии, всё углы, пики, лезвия. Создаётся ощущение, что сама его защита предназначена для нападения. На груди — сложный символ, напоминающий печать или знак старинного ордена.

На плечах лежит огромная белая меховая мантия, которая при каждом шаге колышется, словно хвост снежной бури. Мантия подчёркивает его размеры, делая фигуру ещё величественней — и ещё более пугающей.

Шлем высок, вытянут, увенчан коронообразными шипами. Сквозь прорези в нём пробивается тусклое холодное свечение — два ледяных огонька вместо глаз. Никаких человеческих черт не видно.

В руках он держит гигантский меч, тяжёлый и изогнутый, как осколок замёрзшей молнии. Клинок украшен изящным, но зловещим орнаментом — будто на нём выгравированы древние руны, удерживающие силу холода.

Нога его ступает тяжело, но уверенно, и каждый шаг слышится как глухой удар молота по камню.

Эта фигура не похожа на героя праздников. В ней чувствуется сила древнего воина, возможно — стража забытых земель или повелителя стихийного холода.

От него веет не злом, но всепоглощающей мощью существа, которое привыкло решать судьбы мечом.

Он выглядит как тот, кто приходит не праздновать... А возвещать перемены.

Лиара подбежала почти вплотную — и только теперь поняла, каким огромным он был на самом деле. Она подняла голову, запрокинув её так высоко, что шея заболела. Вблизи воин казался горой металла и льда. Его плащ колыхался, словно белое крыло механического зверя.

Только сейчас девочка ощутила холод, исходящий от него — настоящий, зимний, морозящий до костей. Праздничный смех позади неё стих, будто мир задержал дыхание.

Лиара тихо пискнула, инстинктивно прижав руки к груди:

— Вы... кто?..

Воин остановился. Его шаги замерли так резко, что звук эхом отдался в каменных стенах гавани. Он медленно повернул голову вниз — туда, где стояла эта крохотная девочка, едва достающая ему до колена.

Секунду никто не двигался.

Сквозь прорези его шлема вспыхнули тусклые голубоватые огоньки. Они задержались на лице Лиары, будто изучая, рассматривая... сомневаясь.

Он не наклонился — слишком тяжёл был его доспех.
Но его ладонь на мгновение ослабила хватку на рукояти гигантского меча.

И затем он произнёс — низко, гулко, но не яростно:

— Зablудившийся...

Слово прозвучало так, будто шло из глубин пещеры или из-под льда. Девочка вздрогнула.

Воин продолжил, едва слышно, будто сам себе:

— Я ищу... имя. Моё... имя.

По толпе прокатилась дрожь. Эльфийские стражи подняли луки. Люди застыли, боясь спугнуть тишину. А Лиара, боясь, но всё же набравшись смелости, сделала шаг назад... и не убежала.

Она подняла глаза:

— Но... вы не Аран Велис?

Огоньки в его шлеме вспыхнули чуть сильнее.
Тяжёлое дыхание вырвалось из прорези, словно туман.

— Нет. Я не тот, кого вы ждёте.

Пауза.

— Я пришёл... за ним.

Женский крик прорезал оцепеневший воздух:

— Лиара!

Толпа расступилась, и из неё вырвалась женщина — мать девочки. Лицо её было побелевшее, глаза расширены страхом. Она подхватила Лиару на руки, крепко прижимая к себе, будто пытаясь заслонить от ледяной тени, возвышающейся перед ними.

— Что ты делаешь?! — выдохнула она, оглядываясь на воина с ужасом. — Отойди от него... отойди!

Воин не двинулся. Он словно наблюдал за ними — за тем, как мать обнимает дочь, как дрожащие пальцы сжимают тонкие плечи девочки.

Снова вспыхнули бледные огни в его шлеме — уже не холодные, а... непонятные. Как будто это зрелище пробудило в нём какую-то далёкую память, чужую, потускневшую.

Лиара тихо прошептала:

— Мам, он не сделал мне ничего...

Но мать не слушала. Она поспешно отступила на шаг, удерживая девочку за спиной. Руки её дрожали.

— Кто вы такой? — выкрикнула она воину, пытаясь звучать храбро. — Чего вам здесь нужно?

Воин слегка приподнял голову, будто тень короны из шипов стала ещё выше. Он говорил медленно, каждое слово тяжёлым эхом:

— Я не пришёл и мир меня встретил мечами... прежде, чем услышал

Он перевёл взгляд на женщину и девочку.

— Я не знаю, что должен был прийти сюда... Пауза.

— На зов.

Мать крепче сжала дочь.

— Какой ещё зов?..

Воин повернул голову в сторону города, туда, где возвышался старый храм, а его глаза вспыхнули холодным светом.

— Того, кого вы зовёте Араном Велисом.

Он... часть меня .

Воин на миг застыл, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя... а затем всё изменилось.

Меч поднялся над головой воина и упал одним движением. Лиара и её мать — мгновение, крик, и их уже не было, располовиненные жестоким металлом, словно никогда и не существовали.

Толпа за ними застыла в ужасе, но мгновение спустя меч снова вонзился в плоть.«Он бросил свой меч, и тот, как торнадо, закружил в воздухе, оставляя за собой хаос.» И началось настоящее кровавое кошмарное шоу. Каждый удар превращал людей в хаотичную, кровавую массу, тела складывались друг на друга, кости трещали, а крики смешивались с глухим эхом ударов.

Некоторые были разорваны мгновенно, другие — выпотрошены и отброшены в стены домов и на каменные мостовые, где их тела рубились и скручивались, словно тряпки. Кровь брызгала в стороны, смешиваясь с пылью и обломками, а металлический звон доспехов и оружия переплетался с стонами и хрипом погибающих.

Меч вылетал из рук воина, словно живой, и снова возвращался к нему. Каждое его движение сметало людей с ног, превращая площадь в кошмарную, шинкованную гору. Камни и деревянные обломки поднимались в воздух, как тучи черной пыли, когда вой меча рушил дома и уносил жизни.

К ночи все было мёртво. Площадь, гавань и улицы были завалены телами, а воздух наполнился запахом металла и дыма. Дома стояли полуразрушенные, окна выломаны, двери сорваны с петель — и всё это молчаливо свидетельствовало о силе, которая прошла по миру, словно зимняя буря.

Лиара, если бы могла поднять глаза, увидела бы лишь пустоту и тишину — и ледяные огоньки в шлеме воина, как последнюю память о тех, кто ещё недавно жил.

Воин смахнул кровь с меча, его пальцы в металлических перчатках скользнули по лезвию, оставляя на нём тёмные, липкие полосы. Он провёл рукой в латах по шлему — и кровь стекла по холодному металлу, оставляя за собой тёмные дорожки. В глазах отражалась жестокость прошедших боёв — каждый взгляд был наполнен кровью и смертью. Он поднял голову и посмотрел на город, чьи дома дрожали под тяжестью ожидания, и тяжёлые шаги, глухо отдаваясь по земле, повели его туда, где страх и хаос уже ждали.

Аран Велис, победивший гигантскую гидру в жестокой битве, ступил на мостовую столпцы, ещё влажную от недавнего дождя. Его плащ, запятнанный ядом зверя, тяжело свисал с плеч, а рука, сжатая вокруг рукояти меча, дрожала от вечной усталости от зла и предвкушения новых испытаний.

В зале трона его встречала королева Адълез. Её глаза, пронзительные и усталые, выдали годы власти и борьбы. Ей было 51, но в чертах лица читалась и твёрдость, и забота. Когда их взгляды встретились, между ними промелькнула тёплая, почти родственная привязанность — тихое напоминание о временах, когда мир был проще.

— В городе Рудливе творится резня, — сказала она, её голос звучал тихо, но оттого ещё страшнее. — И это лишь начало... в других местах ситуация не лучше.

Рядом стоял стражник, которого оставили в живых после недавнего нападения. Его руки дрожали, а глаза были полны ужаса, когда он поведал то, что видел:

— Нечто ужасное приближается, — сказал он, голос прерывался, — огромный воин... словно тень смерти. Он ждёт тебя в Рудливе.

Аран сжал рукоять меча сильнее. Сердце билось в груди, как барабан войны. Его взгляд скользнул по окрестностям столицы: мрачные крыши, дымные трубы, тёмные улицы. И где-то там, в Рудливе, уже ждала новая битва — жестокая, бескомпромиссная, такая, о которой будут помнить только выжившие.

Он сделал шаг вперёд, чувствуя, как тяжесть лат давит на плечи, как холод металла сжимает пальцы, и направился в путь, зная: впереди его ждёт не просто сражение, а сама смерть, одетая в человеческий облик.

Аран приближался к городу, и уже по дороге его встречала ужасная картина. Горы трупов тянулись вдоль дороги, их тела искорёжены, изувечены, а кровь впиталась в землю, образуя тёмные лужи, которые отражали серое, свинцовое небо. Запах гнили и железа бил в ноздри, а воздух дрожал от молчаливого крика погибших.

Когда Аран подошёл ближе к стенам города, он застыл, не в силах поверить своим глазам. На городских башнях и воротах было написано его имя — огромными кровавыми буквами, будто кто-то хотел предупредить или бросить вызов.

Внутри города всё горело. Дым клубился в небо, оставляя за собой серые, тянущиеся облака. Дома сгорели дотла, а улицы были завалены трупами, лежавшими в хаотичных кучах, обезображенные, искривлённые в последнем мучительном жесте. Иногда мелькали тени детей и сторигов не дотянувшихся до спасения.

Сердце Арана сжалось. Его рука сжала рукоять меча в латах, холод металла проникал до костей. Он понимал, что город стал ареной для чьей-то жестокой игры, и что впереди ждёт бой, куда страшнее всего, что он видел прежде.

Аран шагал по улицам Рудлива, его взгляд скользил по трупам, по обугленным домам и дымящимся руинам. Дорога привела его на главную площадь, и там он остановился. Сердце сжалось, дыхание перехватило от ужаса и предчувствия.

На огромной горе из тел, сложенных как жуткий трон, сидел он — его враг. Огромный, словно живой шедевр разрушения, покрытый шрамами и кровью. Металл доспехов блестел в огне, а глаза сверкали холодом и безжалостной решимостью. Тело врага было устрашающе массивным, каждая мышца — воплощение силы и смерти.

Город вокруг казался маленькой, беспомощной игрушкой под его ногами. Трупы, на которых он сидел, были последним предупреждением — и одновременно доказательством того, что этот воин — живое олицетворение ужаса.

Аран сжал меч в руке. Холод металла и вес лат давили на плечи, но мысли оставались сосредоточенными.

Меч Арана засиял, окутанный странным светом — силой его души, готовой вырваться наружу. Металл вибрировал в руках, словно сам желал разорвать врага на куски.

Но внезапно враг скользнул с горы трупов, тихо и почти невидимо. Его голос, глубокий и знакомый, прорезал воздух:

— Сынок... Аран... Я так долго тебя искал.

Он снял шлем, и под ним открылся взгляд, который Аран никогда не ожидал увидеть. Взрослый мужчина с щетиной, синими глазами, белесыми волосами, взглядом полным боли и безжалостного опыта — его учитель.

Рука Арана обмягла, меч потускнел и почти выпал из пальцев. Сердце дрогнуло, а глаза наполнились страхом и замешательством.

— Учитель... — выдохнул он, едва сдерживая дрожь.

Весь город вокруг, все горы трупов и пламя, казались отступающими на фоне этой встречи. Даже сила души Арана, прежде такая яркая и неудержимая, казалась слабой перед лицом того, кто когда-то был его наставником — теперь превратившегося в загадку, угрозу и ужас одновременно.

Учитель медленно подошёл, и его большие, сильные руки легли на плечи Арана. Холод металла доспехов ощущался сквозь ладони, но был ничтожен по сравнению с тяжестью момента.

— Как я долго тебя искал... — тихо сказал он, голос дрожал от едва сдержанных эмоций. — Я помню тебя ребёнком, когда тебя привели в наш орден. Я помню каждое твоё падение, каждую победу, каждое мгновение, что делало тебя тем, кто ты есть...

Но Аран сжал зубы. Латный кулак сжал рукоять меча, когти металла впились в ладонь, словно хотел выплеснуть всё накопившееся напряжение. Он издал скрежет и рычание, голос прорывался сквозь зубы:

— Зачем?! — горло его дрожало, глаза сверкали яростью. — Зачем это всё?! — он обвёл взглядом сожжённый город, кучи трупов, дымящиеся руины. — Зачем весь этот хаос?!

Учитель нахмурился, и на мгновение в его взгляде промелькнула тьма, глубокая и непо-стижимая. Он понимал, что Аран видел только последствия, но не понимал замысла. Тени, кровь, страдания — всё это было частью чего-то большего, но сейчас, перед сыном, это не имело значения.

Аран сорвал шлем с головы, его волосы растрепаны, лицо покрыто потом и копотью, глаза пылали яростью.

— Зачем?! — закричал он, голос разрывал тишину, отдаваясь эхом по руинам города. — Зачем всё это?!

Учитель медленно, почти с достоинством, закрутил рукой в воздухе, указывая на пепе-лице, на горы трупов, на сожжённые улицы. Его глаза блестели холодом и гневом.

— Чтобы привести тебя сюда! — рявкнул он, ударя кулаком в собственную грудь, будто показывая, что сам несёт всю тяжесть. — Ты бросил меня! — его голос ломался от боли и ярости. — Ты бросил нас!

Он сделал шаг вперёд, и каждый его шаг казался ударом по земле, по городу, по самой жизни.

— И ради чего? — продолжал он, голос сорвался почти до шепота, но в нём звучала безжалостная ярость. — Ради жалких, мерзких, смертных мразей?!

Аран стоял, сжимая меч в руках, сердце колотилось, дыхание было тяжёлым. Перед ним стоял человек, которого он считал учителем, но теперь тот превратился в символ разрушения и боли. Город, кровь, смерть — всё это отражало гнев, который он сам не мог сдержать.

Мгновение застыло. Два взгляда столкнулись — ученик и учитель, прошлое и настоящее, ярость и предательство, страх и решимость. И казалось, что воздух вокруг них сам трещит от напряжения, готовый взорваться.

Аран пронзительно закричал, весь его гнев вырвался наружу, как буря, которая сметает всё на своём пути. В глазах горели огонь и ненависть. Он бросился на учителя, сбил его с ног, и тело взрослого мужчины с глухим ударом ударилось о каменную мостовую.

Меч Арана, окутанный его силой, оказался у горла учителя, лезвие с легким дрожанием, почти живое, касалось кожи. Каждое мгновение висело на волоске — один неверный вздох, и кровь могла пролиться.

— Ты... мразь! — кричал Аран, голос рвался, скрежет металла смешивался с яростью, — ТЫЫЫЫ!!!

Учитель, лежа на спине, поднял глаза и, несмотря на ярость и боль, видел что-то внутри Арана — знакомый огонь, силу, которой он когда-то учил его управлять. Но сейчас этот огонь был полон ненависти, почти слепой, разрушающий всё вокруг.

Скрип металла, тяжёлое дыхание и запах крови — весь город вокруг казался замершим, словно природа сама затаила дыхание, ожидая исхода этого столкновения.

Над ними разорвалось небо.

Холодный дождь обрушился на площадь, стекая по латам, шлемам и мертвецам под их ногами. Капли падали на лезвие Арана.

Учитель лежал под ним, но в его глазах вспыхнуло не бессилие — а древняя, копившаяся веками злоба. Он заговорил, и дождь будто , слушал:

— Аран... — его голос дрожал от ярости и боли. — Ты ушёл. Вечная война длилась слишком долго... но всё закончилось. И когда ты бросил меня, сбежал, — он ударил себя кулаком в грудь, — нас поймали.

Лицо его исказилось мучением и слезами.

— Ты знаешь... мы не можем умереть.

И пока ты купался в любви смертных... — он выплюнул эти слова будто яд, — я... я переживал пытки. Меня рвали, ломали, уничтожали... снова и снова... сотни лет, Аран. Сотни лет в живом аду.

Дождь скользил по его лицу, смешиваясь с ужасом, что проступал в словах.

— И тогда ко мне явилась она... — голос стал глуше, почти шепотом. — Богиня смерти.

Он поднял глаза, в которых плясали тени.

— Она предложила мне свободу... и силу. Взамен — устроить всё это месиво... — он обвёл взглядом площадь, горы трупов, огонь. — ...и она даст сведения о тебе.

Аран ощутил, как его сердце провалилось в пустоту.

— Я согласился, — прорычал учитель, пена ярости выступала на губах. — С пеной у рта! Я хотел выбраться. Хотел жить. Хотел отомстить!

Он схватил Арана за руку, сжимая так, что латные пальцы скрипнули.

— Она вытащила меня. Забрала в свой мир. Там время течёт иначе... поэтому я пришёл только сейчас. И она переместила меня сюда — прямо к тебе.

Глаза учителя вспыхнули как пламя чёрного костра.

— И теперь, тварь... — его голос сорвался на рык, — я ОБРЕКУ ТЕБЯ к тем же мучениям, что пережил сам!

С яростным, первобытным ревом он выбросил руки вперёд и, словно гигант, швырнул Арана прочь — так, что тот отлетел, теряя контроль, а земля и трупы разлетелись под ударом.

Гром расколол небо.
Начиналась настоящая битва.

Дождь лил без конца, превращая площадь в сплошную кровавую лужу. Трупы, разрушенные дома и сгоревшие остатки рынка отражались в красной воде, смешанной с дождем, словно сама земля плакала вместе с небом.

Аран поднялся, тяжелый плащ и волосы липли к лицу, меч сверкал в его руке, покрытый каплями крови и дождя. Его дыхание было тяжёлым, каждое движение — напряжённым и готовым к удару.

Учитель поднял свой двуручный меч, и его истерический смех разорвал воздух. Он стоял на горе тел, словно демон, повелитель хаоса, его доспехи блестели в отражении пламени и дождя. Каждое движение было наполнено дикой, безумной энергией — и эта энергия зловеще вибрировала по площади.

— Пришло время, сынок! — прокричал он, голос смешался с гулом грома, — посмотрим, кто из нас сильнее!

Мечи встретились глазами Арана и его учителя, и в этой мгле дождя, крови и разрушения застыла тишина, словно сама земля затаила дыхание перед бурей.

Аран сжал рукоять ещё сильнее. Металл дрожал под пальцами, его сила души вспыхнула, свет в глазах заиграл ярче, готовый вырваться наружу. Два старых мира, два гнева, два сердца, скованные прошлым, столкнулись в этой площади смерти.

Аран поднял меч, и сила души вспыхнула, яркая и ослепительная, готовая разорвать всё вокруг. Он бросился на учителя, собираясь стереть его одним ударом. Но мастер протянул руку, и энергия Арана была поглощена, словно сама жизнь подчинялась его воле.

— Не только у тебя есть дар, Аран! — рыкнул он. — Дерись как воин!

Они столкнулись. Металл разрезал воздух, дождь смешивался с кровью, взлетающей из мгновенно затягивающихся ран. Их удары могли бы разрубить обычного человека на части — и они рубили тела на атомы, но сами в мгновение регенерировали. Латные пластины трескались, мышцы разрывались, но тут же срастались, и бой продолжался, как вечная машина разрушения.

Аран вонзал меч в грудь учителя — доспех и плоть разлетелись в клочья, а мастер с ревом вырвался, уже целый, словно ничего не случилось. Удар двуручным мечом обрушил землю под ногами Арана, трупы и обломки взлетели в воздух, но он уже встал, меч сверкая в руках, капли крови и дождя летели во все стороны.

Каждый новый удар был жестоким, отчаянным и кровавым. Они рубили друг другу конечности, ломали кости, разрывали тела, а потом мгновенно регенерировали, чтобы нанести следующий удар с ещё большей яростью.

— Так, сынок... — прокричал учитель, — так дерутся настоящие воины!

Они кружили друг вокруг друга, лезвия разрезали дождь, каждый удар сопровождался криками боли и ярости, но никто из них не мог умереть. Каждый взмах меча оставлял за собой разрушение — куски камня, пламя от поджаренных тел, искры, летящие от столкновения металла.

С каждым мгновением бой становился всё более кровавым и безжалостным. Город вокруг дрожал под ними, площадь превратилась в хаос, смешав дождь, кровь и металл в непрерывный вихрь разрушения. Их регенерация делала их удары ещё более безумными: каждое смертельное ранение превращалось в новый шанс разнести противника в клочья.

Это была не просто битва — это была вечная мясорубка, дуэль двух богов войны, где единственное правило — выжить через разрушение, через кровь и хаос, пока не останется только ярость.

Учитель вырвался вперёд с такой силой, что земля под ногами треснула. Его двуручный меч пронзил рот Арана, и кровь фонтаном хлынула наружу. Но мгновенно, как будто ничего не случилось, рана затянулась.

— Ты слишком мягок, Аран! — прорычал мастер, глаза сверкали безумием.

Он не остановился. Лезвие рассекло тело Арана напополам, мясо и латные пластины разлетелись в стороны. Но тут же, мгновенно, Аран встал, тело срослось, спина выпрямилась, и взгляд снова загорелся огнём.

— Ты думаешь, это меня остановит?! — закричал он, сжимая меч, — Я вечен!

Учитель рыкнул и снова набросился, каждый удар разрывал землю и воздух вокруг, разбрасывая обломки и кровь в потоках, но каждый раз Аран восставал, как феникс, регенерируя мгновенно и нанося ответные удары с дикой яростью.

Дождь заливал их, смешиваясь с кровью, превращая площадь в вязкую лужу хаоса. Аран и его учитель двигались как смерчи, сталкиваясь, разбрасывая трупы и обломки вокруг.

Аран сделал резкий шаг в сторону, чтобы уклониться от удара меча, но мастер схватил его за плечо и резко дернул, вонзая кулак в живот. Металл доспехов скрипнул, а кости сотряслись, но мгновенная регенерация тут же срастила повреждения. Аран вывернулся и ударил коленом в грудь учителя, потом вонзил пальцы в лицо, оставляя следы крови на коже.

Мастер рыкнул и схватил Арана за шею, поднял над головой и бросил об каменные обломки. Аран отлетел, ударившись спиной о разваленный фонарь, но снова вскочил, срывая с пола осколок железа и впиваясь им в предплечье противника.

Каждое столкновение было грязным и жестоким. Они кусались, впивались друг другу в руки, плечи и даже шею, оставляя следы зубов, разрывая плоть и латные рукавицы.

Учитель выхватил из земли обломок трубы и ударил по ногам Арана — тот подпрыгнул, ухватил мастер за запястье, прокрутил его через себя и бросил в кучу трупов, словно он был пустой куклой.

Аран вкрутился в воздухе, завалив противника на бок, и нанес серию ударов кулаками по лицу и груди, каждый удар сопровождался рёвом боли. Мастер мгновенно восстановился, с рыком поднялся, вонзил пальцы в плечо Арана и раскрутил его, сбрасывая на землю с силой, которая разбрасывала трупы вокруг, как щепки.

Каждое движение было пируэтом разрушения: они кружились, падали, перекатывались, вонзали друг другу мечи, швыряли металлические обломки, бились кулаками, впивались зубами, хватали за волосы, перекручивали конечности.

Вдруг учитель остановился на мгновение, и его глаза вспыхнули дьявольским светом. Он протянул руки, и сила души Арана, яркая и ослепительная, вдруг потянулась к нему, словно его саму пожирала тьма.

Аран почувствовал, как его тело ослабло. Мышцы дрожали, меч почти выскользнул из рук. Энергия, которая всегда была его опорой, теперь уходила в руки учителя, оставляя лишь пустоту и боль.

— АРАН! — взревел мастер, схватив его и вбив лицо в горы трупов. Кости и тела хрустели, капли крови смешивались с дождём, размазываясь по лицу. — Всё это изза тебя! — кричал он, голос рвался, гремел громом и резал слух, словно сама земля отвечала на его гнев.

Аран задыхался, хрипя от боли, его глаза наполнялись страхом и яростью одновременно. Но мгновенная регенерация восстанавливала тело. Каждый вдох давался с трудом, каждый рывок был борьбой за контроль над собой.

Учитель сжал его ещё сильнее, впиваясь взглядом в глаза Арана, как будто пытался выжечь всю его силу и волю. Кровь, дождь и запах смерти вокруг создавали вязкую, почти осязаемую атмосферу ужаса.

— Ты оставил меня! — продолжал мастер, — Ты бросил нас! И теперь всё, что я сделал, — это ответ!

Аран стиснул зубы, вспыхнула сила души, пытаясь вырваться наружу, но учитель уже поглощал её почти полностью, держал баланс между жизнью и смертью в своих руках. Каждый момент был борьбой не только физической, но и духовной, где один неверный вдох мог стоить всего.

Аран уже почти не чувствовал собственного тела. Сила души уходила в учителя непрерывным, пульсирующим потоком. Всё перед глазами дрожало, сгущалось в туман. Кровь на лице смешивалась с дождём и трупной грязью. Мир становился всё более далеким, расплывающимся.

Колени Арана подломились — и он рухнул на гору мертвецов, словно одна из тех безжизненных тел. Пальцы дрожали, не слушались. Сердце билось медленно, как будто утопало в чёрной смоле.

Учитель наклонился к нему, схватил за волосы и приподнял голову, заставляя Арана смотреть прямо в его безумные, сияющие глаза.

— Посмотри на меня, щенок, — прошипел он, — посмотри, что ты сделал.

Он резко дернул голову Арана назад, и тот тихо застонал, почти беззвучно.

— Ты слабеешь... — Учитель улыбнулся звериной ухмылкой. — Прекрасно.

Аран попытался поднять руку, но она бессильно упала. Веки дрожали. Сознание ускользало, как вода сквозь пальцы.

— Я пока схожу в столицу, — спокойно сказал учитель, словно говорил о прогулке под дождём. — И убью всё, что тебе дорого.

Он встал, взял двуручный меч, легко положил его на плечо. Его силуэт на фоне дождя и огня казался чем-то нереальным, как кошмар, который вырвался в реальность.

— Всех твоих друзей. Тех, кто тебя приютил. Тех, кто верил в твоё жалкое искупление. Всех.

Он повернулся, ещё раз глянул через плечо:

— А потом... вернусь за тобой. Чтобы ты увидел, каким пеплом стала твоя надежда.

Улыбка растянулась ещё шире.

— Не умирай пока... мне нужно, чтобы ты всё чувствовал, когда я вернусь.

Учитель шагнул прочь, растворяясь в дыму и дождевых струях, оставляя Арана на кровавой горе, едва живого, едва думающего, едва существующего.

Сознание потухло.

Темнота сомкнулась.

В покоях верховного мага Ветры, ей было сорок шесть лет, но благодаря тайному поглощению душ преступников она выглядела едва ли на двадцать. Серо-синие волосы растекались по подушке, покрытой мягким бархатом, дыхание ровное, как у спящей кошки.

Внезапно вуальная штора над кроватью медленно приподнялась. Огромная, рука появилась в полумраке, словно тень чудовища, держащаяся за ткань.

Ветра резко проснулась, сердце замерло, мышцы напряглись. Она отскочила к окну, едва касаясь пола, и в ладони вспыхнул огонь, сжимавшийся в шар энергии, готовый выжечь всё вокруг.

— Кто здесь?! — прохрипела она, взгляд острый и пронизывающий, как лезвие. — Покажись, иначе сгорит всё, что тебе дорого!

Тьма в комнате была почти осязаемой, но в огне Ветры отражались очертания огромной фигуры, которая медленно приближалась. Каждое движение руки наводило ужас, а воздух вокруг сотрясался от скрытой силы.

Ветер размахнула огненным шаром, и вспышка света осветила всё помещение, обнажив пустоту, от которой казалось, что что-то ещё шевелится в темноте, наблюдая за ней.

Из темноты покоя медленно вышел он — громадный, четырёхметровый, закованный в черный доспех, блестящий в тусклом свете свечей. Рогатый шлем скрывал лицо, оставляя только сияющие алой пустотой глаза, словно сам мрак смотрел на Ветру.

Его шаги гулко отдавались по каменному полу, словно каждый удар молота, и даже воздух вокруг дрожал от его присутствия.

Он остановился на несколько шагов от неё, плечи развернулись, и в зловещем свете её огня черный доспех переливался красными бликами.

Ветра напряглась, огонь в её руке вспыхнул ярче, поднимая дым и искры. Она чувствовала, что силы этого человека превышают всё, с чем она сталкивалась. Он был не просто воином — он был разрушением в плотном, живом обличье, и каждый его шаг к ней был предвестником боли, смерти и хаоса.

Александр медленно снял рогатый шлем, и холодный свет луны осветил его лицо. Черты были суровы, взгляд пронизывающий, а карие глаза, как ледяные озёра, сияли таинственной силой. Его голос разлился по комнате, глубокий и ровный, несмотря на внушительные размеры:

— Не бойтесь, моя леди. — Он сделал шаг вперёд — Я пришёл с миром... чтобы защитить вас.

Ветра напряглась, огонь в её ладони вспыхнул сильнее, готовый выжечь всё вокруг.

— Кто ты? — спросила она, голос дрожал от смеси недоверия и удивления.

— Я Александр, — ответил он спокойно, но с неподдельной силой. — Вечный, как Аран Велис, я из далёкой страны. Пришёл спасти вас от угрозы, которая слишком велика, чтобы вы справились одна.

Ветра, всё ещё стоящая у окна, смотрела на него с осторожностью. Она чувствовала, что этот человек не просто воин, а нечто большее: сила, которая могла как разрушить, так и защитить.

— Если ты с нами честен... — прошептала она, сжимая огонь в ладони — то докажи это действиями. Потому что здесь, в этом мире, слова ничего не стоят.

Александр кивнул, его взгляд был как сквозь пространство и время одновременно, полный решимости и спокойствия, которые могли одновременно внушать доверие и ужас.

Ветра медленно приблизилась, и тишина в комнате словно натянулась, как струна. Её шаги были бесшумны, но каждый — словно удар по нервам. Полумрак дрожал вокруг неё, реагируя на скрытую силу, что таилась под кожей.

Она подняла взгляд на Александра — холодный, выверенный, почти хищный.

— Подтверди свои слова, — голос её звучал мягко только на поверхности, но в глубине слышался стальной приказ. — Сейчас.

Она не кричала, не угрожала. И всё же от её спокойствия было страшнее, чем от любого крика. Воздух стал тяжёлым, будто сам мир замер в ожидании ответа.

Ветра уже не просила — она настаивала. Тени под её ногами сгущались, намекая: если Александр попытается солгать или уйти от ответа, последствия будут куда хуже.

Но вдруг лицо Александра изменилось. Как будто невидимая тень прошла по его чертам, вытеснив прежнюю сдержанность. Уголки губ дрогнули, взгляд потемнел, и в глазах вспыхнуло нечто, от чего в груди Ветры на мгновение холодно сжалось. Озлобление — сырое, первобытное, такое, что не принадлежало обычному человеку.

Он действительно хотел всё решить иначе.

Мирно.

Спокойно.

Без крови и огня.

Он рассчитывал склонить Ветру на свою сторону, заговорить её разум, показать, что союз выгоднее войны. Но она посмела поднять голос. Посмела требовать. Посмела говорить с ним так, будто он обычный смертный.

Император Александрии не слушал приказы. Он отдавал их.

В следующее мгновение Александр сорвался с места. Доспехи гулко хрустнули под напряжёнными мышцами. Его огромная рука, будто выкованная из тёмной стали, сомкнулась на лице Ветры. Он прижал её к себе с такой силой, что воздух вышибло из её лёгких, а голова резко откинулась назад.

На секунду её глаза расширились от боли и ярости — и она взорвалась.

Огонь рванул из её ладони, как разорванное заклинание древних богов.

Шквал пламени, яростный, хищный, ослепительно бело-красный, ударил Александра в грудь. Жар был такой силы, что каменные стены позади них покрылись трещинами. Воздух наполнился запахом раскалённого металла и палёной пыли.

Но Александр стоял, не шелохнувшись.

Пламя, которое могло бы испепелить целый отряд, рассыпалось об его доспехи, будто ветер об скалу. Огненные языки скользнули по броне, не оставив даже следа, и разлетелись вокруг сотней кипящих искр.

Всё вокруг мгновенно вспыхнуло.

Занавеси загорелись, рушась вниз огненными лентами. Деревянные балки треснули, выпуская клубы дыма. Пол под ногами начал плавиться, превращаясь в алое зеркало. Запах горящей ткани смешался с запахом чего-то древнего, пробуждённого.

Но Ветра продолжала биться, несмотря на то что её пламя было бессильно.

Александр медленно наклонился, его дыхание коснулось её кожи — холодное, как сталь в морозную ночь.

— Ты заговорила не с тем, — прошипел он, сжимая её лицо ещё сильнее. — И выбрала неправильный тон.

И в этот миг стало ясно: тот, кто стоит перед ней, — не просто правитель.

Не просто человек.

Это было нечто куда более опасное.

В одно мгновение пространство вокруг них вспыхнуло слепящим разломом.

Воздух сорвался в спираль, камни под их ногами дрогнули — и мир перевернулся. Александр, не ослабляя хватки, телепортировал их, будто вырывая из горящего зала саму реальность.

Ветра успела увидеть только вспышку алого света — и вот они уже стояли на самом шпиле замка.

Высота была чудовищная.

Ветер рвал воздух, выл между зубчатыми стенами, швыряя в лица ледяные иглы. Небо над ними было чёрным, тяжёлым, словно заполненным пеплом древних богов.

Александр разжал пальцы и бросил Ветру на каменную гиргулю, что нависала над пропастью. Каменный зверь смотрел вниз пустыми глазницами, а под ним зияла тьма, в которую падали лишь те, кого замок признал недостойными.

Ветра ударилась о холодный камень, пальцы вцепились в шершавую поверхность, чтобы не сорваться в пустоту. Гиргуля угрожающе треснула под её весом.

Александр же стоял на самом краю шпиля. Его плащ, разодранный огнём, развевался вокруг, будто крылья из чёрного дыма. Он держался одной рукой за шпиль, но его силу это не ограничивало — наоборот, делало его образ ещё более нечеловеческим.

На его голову телепортировался из руки ,рогатый шлем, словно выросший из тени. Корни металла обвили его череп, закрывая черты лица. Шлем был украшен двумя загнутыми рогами, и когда он полностью сомкнулся, под ним вспыхнули алые глаза— яркие, как раскалённые угли ада.

От одного этого света гиргульи вокруг словно шевельнулись.

Камень будто вспоминал, что когда-то жил.

Ветра, лежащая на выступе, медленно подняла голову.

Её серо-голубые волосы разметал ветер, играя ими, как нитью из лунного серебра. Тонкие пряди били в лицо, закрывали глаза, но она не двигалась — только смотрела на Александра, впервые чувствуя, что не знает, кто перед ней стоит.

Её накидку — ту самую, которая всегда спасала ночью от холода — ветер рвал из стороны в сторону, заставляя ткань трепетать, как крыло пойманной птицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.